

2004

1

KAZAKHSTAN

ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ им. Р.Б. СУЛЕЙМЕНОВА

SHYGYYS

Научный журнал

МАЗМУНЫ — СОДЕРЖАНИЕ — CONTENTS

И.Н. Тасмагамбетов. Обращение к читателям	3
М.Х. Абусейтова. Казахстанское востоковедение: проблемы и перспективы	4
ИСТОРИЯ	
Ю.А. Зуев. Каганат Се-яньто и кимеки (к тюркской этно-географии Центральной Азии в середине VII в.)	11
А. Камалов. "Песня Чилэ": древнетюркское влияние на китайскую культуру	22
К.У. Торланбаева. Дуальная организация и система наследования у восточных тюрков	28
Н.Э. Каримова. Центральная Азия и Китай в XIV–XVII веках (из истории торговых взаимоотношений)	40
Т.К. Бейсембиев. Среднеазиатский (чагатайский) тюрки и его роль в культурной истории Евразии (взгляд историка)	53
А.И. Оразбаева. Цивилизация кочевников евразийских степей	65
ПОЛИТИКА, ЭКОНОМИКА, СОЦИОЛОГИЯ	
К.Т. Талипов. СУАР – главное звено в масштабном освоении западных районов Китая	76
Б.К. Казбеков. Шанхайская организация сотрудничества: проблемы и возможные перспективы экономического взаимодействия	81
Г.У. Хаджиева. Проблема регионального развития Китая и стратегические подходы к ее решению	88
N. Joshi. India and Central Asia	93
С.К. Кушкумбаев. Геополитика транспортных коммуникаций Центральной Азии	100
S. Yessenova. The Space between two Journeys: Kazakh Social Organization and Rural to Urban Migration.	115
ВОСТОЧНОЕ ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ	
Б. Еженханұлы. "Юебань" этнонимі туралы	134
Н. Базылхан. Көне түрік этнографиясының (КТЭ) бітіктастардағы деректанулық негіздері	139
Е. Қонысбайұлы. Моңғол Алтайдағы петроглифтер	148
Ж.М. Тулибаева. "Тарих-и арба" улус" Мирза Улутбека	154
М.Х. Абусейтова, А.Ш. Нурманова. Арабографические рукописи, хранящиеся в фондах г. Алматы	167
Ф. Ришар. Словарь д'Эрбло (пер. Т.К. Бейсембиева).	181

КАГАНАТ СЕ-ЯНЬТО И КИМЕКИ (к тюркской этногеографии Центральной Азии в середине VII в.)

На исходе лета 648 года тюркская конница, возглавляемая тюркским же военачальником на танской службе Сылыгом из племени джебшид (*кит.* Чжиши Сыли), нанесла в Золотых горах (*кит.* Цзинь-шань; Алтай) последнее поражение остаткам еще недавно непобедимого войска каганата Се-яньто. История недолговечного (всего 22 года) государства Се-яньто изучена мало. Письменные известия о нем содержатся в китайских источниках. Это отдельные экскурсы в энциклопедиях и династийных историях, обзор которых будет сделан в другой работе пишущего эти строки. Имеются частичные переводы этих известий на европейские языки [1]. С разными целевыми установками тексты о се-яньто в оригинале или в существующих переводах использованы в ряде исследований, которые учтены при написании данной статьи. В качестве источника также первостепенной значимости в ней привлечены показания византийских и мусульманских авторов. Ее этнографическая направленность предполагает выяснение порой резко меняющихся территорий расселения се-яньто на фоне бурных политических и военных событий, которыми было богато все седьмое столетие в истории Центральной Азии. Другая задача — выявить, насколько это возможно для столь отдаленного времени, этнический состав каганата и элементы мировоззрения.

1. ПЕРВЫЕ ИЗВЕСТИЯ

Среди племен огузов (*кит.* телэ) “самым сильным” вплоть до середины VII века считались се-яньто. Описывая события в стране тюрков, последовавшие непосредственно после 581 года, автор “Истории”, составленной между 628 и 638 годами, византиец Феофилакт Симокатта сообщает: “Совершил каган и другое предприятие и подчинил себе людей племени огур (огуз). Это одно из самых сильных племен в силу своей многочисленности и благодаря своим военным упражнениям в полном вооружении. Они живут на востоке, там, где течет река Тил, которую тюрки обыкновенно называют Черной” [2]. “Черный Тил” — это Черный Иртыш (Кара Иртыш). “Иртыш — большая река... Вода реки черная”, — писал Гардизи [3]. В VII веке китайцы обозначали ее С11804, 419 Еде (<i>iaï-d'iet<Etil)¹ [4] — Этил. Вероятно, в более раннее время словом *этил* (“река”) обозначались оба Иртыша — Черный (Кара Иртыш) и Синий (Кок Иртыш). Но в X (в десятом!) веке анонимный персидский автор свидетельствовал, что название *Этил* сохранялось только за Синим Иртышом: “Другая река Артуш (Иртыш), которая берет начало в некоей горе. Это большая вода, она *черная*, хорошая для питья и приятная на вкус (ширин). Она течет

¹ Здесь и далее буквой “С” обозначен Большой китайско-русский словарь по русской графической системе / Под ред. проф. И. М. Ошанина. Т. 1–4. М., 1983–1984. Следующие за буквой “С” цифры — это номера словарных гнезд в Словаре; за ними следует русская транскрипция соответствующих иероглифов. В скобках приведено их раннесредневековое звучание по книге: *Karlgren B. Grammata Serica Recensa. Stockholm, 1957.*

между гузами и кимеками, пока не достигнет городка Чубин в стране кимеков. Затем она впадает в реку Атил (Этил)" [5].

Еще в "Истории династии Лян 502–557 гг." отмечалось, что северными соседями государства Гаочан (Турфан в СУАР КНР) были племена С10693, 8068 *чилэ* (<tʰək-lək<*tegrāk) [6]. Это название соответствует более позднему С11661, 8068 *телэ* (<tiet-lək<*terāk), т. е. огузам [7]. В последующих летописях сообщается, что непосредственно на севере (северо-западе) от Турфана стоит живописная остроконечная краснокаменная гора Чиши-шань. В 70 ли (примерно 25–30 км) к северу от нее была гора С13930, 3267 Таньхань (<tām-yān<*tamyan) – Тамган, на которой и летом лежит снег. По северному склону этой горы проходила граница с Телэ-огузами [8]. Вне этих огузских областей, подчиненных тюркскому кагану, вероятно, в Джунгарии, находились кочевья вархунитов, о которых Феофилакт писал: "В то же время племена *тарниах* и котсагиров (они были из числа уар и хунни) бежали от тюрков и, прибыв в Европу, соединились с теми из аваров, которые были под властью [аварского] кагана. Говорят, что и племя *забендер* было родом из уар и хунни. Эта дополнительная военная сила, соединившаяся с аварами, исчислялась в десять тысяч человек" [9].

Китайцам были знакомы племена С419, 8068, 12651 *дилээр* (<dʰiet-lək-nzjə/*nǰə; ср. *тарниах*) и С3650, 9046 шибань (<ʃiər-bʰuān; ср. *забендер*) и котсагир/*кочагыр (кит. С6278, 4297 <kāu-tʃja<*qoča). Однако в первом летописном упоминании племена се-яньто они сочли караиртышских огузов и племена вархунитов за одну группу, обитавшую в Джунгарии: "...на юго-западе от Алтая живут се-яньто, дилээр (тарниах), шибань (забендер), даци (тарки) и другие [племена]; у них более десяти тысяч войска" [10].

В "Общем уложении" после слов "Се-яньто – это племя телэ (огузов)" следует пояснение неизвестного раннего комментатора: "Во времена Мужун Цзюня (349–370 гг.) шаньюй-предводитель сюнну Хэлай Тоу во главе 35 тыс. пришел и подчинился (династии) Ранняя Янь"² [11]. Видимо, племя [янь]то – их потомки. [Яньто] жили *смешанно* с племенем се, поэтому назывались се-яньто. Фамилия [род кагана] Илиту. Из поколения в поколение [се-яньто] были сильным племенем/цзю" [12]. Название племена С13865, 4867 хэла (<yā-lāt<*alat<*ala at "пегий конь") иногда записано иероглифами С13805, 13952 хэлай (yā-lāi<alaj), оно равнозначно С13865, 5807 хэлань (<alan-ala "пестрый, пегий, смешанный") [13]. Цитированный комментарий взят из "Истории дин. Цзинь, 265–420 гг.: "[В 357 г.] шаньюй сюнну Хэлай Тоу повел [свои] племена (було) числом 35 тыс. (душ? семей?) подчиниться Цзюню, пожалован званием генерал, усмиряющий Запад, гун области Юньчжун; размещен в городе Пиншу³ округа Дайцзюнь"⁴ [14]. Хэлай было одним из 19 племен южного шаньюя [15].

Причина двусоставности термина *се-яньто* объясняется их собственным историческим преданием: "Они сами рассказывают, что се-яньто это собственно (или: по происхождению, по корню) ["царская"] фамилия Се. В прошлом они напали и уничтожили [предводителя] яньто и завладели его народом, потому и [стали называться] се-яньто" [16].

² Государство Раннее Янь охватывало территорию, входившую в состав современных провинций Ляонин, Хэбэй, Шаньдун, Хэнань и Шаньси. Его столица находилась в городе Е к северу от современного уездного города Линьчжан в провинции Хэбэй.

³ Главный город уезда Пиншу находился к западу от современного уездного города Гуалин провинции Шаньси.

⁴ Управление округа Дайцзюнь находилось в городе Пуяй в 143 ли к северо-западу от современного города Дулин в провинции Хэбэй.

Гаочан был важным торгово-ремесленным центром, перевалочным и во многих случаях конечным пунктом на северной дороге Великого Шелкового пути, охраняемого на этом участке огузами. Он находился в вассальной зависимости от них. В стране всегда присутствовал высший сановник огузов; пошлина, полученная от купеческих караванов, отсылалась правителю огузов. Некоторые местные правители носили тюркское одеяние и не решались надевать другое [17]. Как сказано выше, единственным сильным огузским племенем в этом регионе были тогда се-яньто.

2. О ШЕЛКЕ И СТРАНЕ СЕРИНДА

Начиная с рубежа эр, главным предметом китайского экспорта в страны Запада был шелк, цена которого на западных рынках была необычайно высока. Процесс изготовления китайского шелка (от разведения шелковичного червя до технологии шелкоткачества) держался в строжайшем секрете. Но уже с первых столетий новой эры начинают поступать сообщения о внедрении производства шелка в оазисных государствах Восточного Туркестана, находившихся на важнейших участках торгового пути Восток–Запад, т. е. Великого Шелкового пути. Это были государства Иу (Хами), Гаочан (Турфан) и Яньци (Агни, Карашар) [18]. О существовании активных торговых связей этих государств с Ираном и Византией свидетельствует значительное количество серебряных (сасанидских) и золотых (византийских) монет, обнаруженных в ходе археологических исследований в Турфане. Византийские монеты, найденные в Туркестане, датируются временем правления императоров от Феодосия (480–450 гг.) до Юстина II (565–576 гг.) [19]. Нужды Византии в шелке объяснялись не только запросами собственной элиты и коммерческими интересами купцов при его последующей перепродаже. Шелк был привлекательным эквивалентом золота при найме предводителей кочевых племен для участия в непрекращающихся войнах на границах, но, прежде всего, с Ираном. В обстановке именно военной необходимости при дворе императора Юстина I в 550 году произошла история, отмеченная летописцами.

В Византии не знали, как производится шелк, пока не пришел некий перс, принесший в выдолбленном посохе яйца шелкопряда. Из них вывелись черви и были выпущены на тутовые деревья. Об этом говорится в "Выписках" Феофана Византийца и "Анналах" Зораны. Более подробный и реалистичный рассказ об этом содержится в труде Прокопия Кесарийского "Война с готами". Два монаха "из Индии" поведали, что они много лет провели в стране, которая называется Серинда и находится "севернее многих племен индийцев". Там они точно изучили, как производить шелк. Творцами шелка-сырца, говорили они, являются шелколичные черви (яички), которых черви откладывают великое множество. "Когда они рассказали это, император, обещав одарить их великими благами, убедил их подтвердить свой рассказ делом. Тогда они вновь отправились в Серинду и принесли в 552 г. в Византию яички шелколичного червя и сделали так, как рассказано, т. е. чтобы обратить яички в червей, они выкармливали их листьями тутового дерева; этим они достигли того, что в дальнейшем в земле римлян стал добываться шелк-сырец. Так вот как шли тогда военные дела у римлян и персов и что произошло относительно шелка" [20].

Серинда – это не Китай, но и не Индия, так как она находилась "севернее многих племен индийцев", не средняя Азия или берега Сырдарьи, где производство шелка тогда еще не было известно (иначе: [21]). А. Стейн считал Сериндой древние цивилизации Восточного Туркестана. Знаменитый трехтомный труд, посвященный их исследованию, он так и назвал: "Serindia" [22], а известия о проникновении "торгового" согдийского населения в Центральную Азию и Китай С.Г. Кляшторный

поместил в параграфе “Перизгеса Сериндии” своей новой книги “История Центральной Азии и памятники рунического письма” [23].

Приведенный выше материал позволяет уточнить систему политических и иных взаимоотношений кочевников с оазисными государствами. Восточнотуркестанские шелкопроизводящие государства Иу, Гаочан и Яньци находились в сфере вассальной зависимости от *се-яньто*. Самым значительным был Гаочан, поддерживавший, в силу своего положения на Великом Шелковом пути, постоянные торговые связи со странами Запада, в том числе с Византией, о чем можно судить по значительному количеству обнаруженных здесь золотых византийских монет шестого столетия. По имени племени, контролировавшего данный участок торгового пути (*се-яньто* < *sjat* *an-jän-d'a*) византийский писатель Прокопий из Кесарии назвал эту страну *Серинда*⁵ [24].

Это сопоставление правомочно, но греческая запись двусоставности названия племени оставляет впечатление искусственности (“страна между Серикой и Индией”).

3. ПУТЬ В МОНГОЛИЮ

К началу VII века племена вархунитов уже не упоминаются. Огузские племена становятся данниками западнотюркских каганов. Дань зависимого предводителя кочевого племени своему сюзеру заключалась в присылке трофеев, добытых в военных рейдах на оседлоземледельческие государства. В данном случае к ним присовокуплялись пошлины от купеческих караванов, получаемые огузами из Гаочана и пересылаемые затем западнотюркскому кагану. Неотправление “караванов с данью” всегда грозило карательной акцией со стороны сюзерена. В 605 году западнотюркский Чора-каган (*кит.* Чуло < *tsjwo-lä* < **Čora*) произвел взимание налога сверх меры; *се-яньто* и другие племена — все возроптали. Чора пришел в ярость. Под благовидным предлогом он пригласил к себе несколько сотен огузских вождей и предводителей. Он приказал обезглавить их всех до единого. На немедленно состоявшемся курултае взбунтовавшиеся огузы поставили Гэлэна из племени *кибир* (*кит.* C8482, 14824 *циби* < *kici-p'iet* < **kibir*) бага-каганом с именем Йагмурчын (*кит.* C7453, 7416, 13770 *Иучжень* < *jak-mjuet-tsjən* < *jaγmurč'in*)⁶ [25]; его резиденция находилась на северных склонах гор Тамган. Сына внутреннего эркина (или просто: внутреннего эркина; нэй сыцзинь) племени *се-яньто* Ышбара (*кит.* C1, 8748, 9107 *Ишибо*) поставили малым каганом с именем *Йетир (*кит.* C5095, 419 *Ege* < *ja-d'iet* < **jeti* < **jeti* er “семь племен”); его резиденция располагалась к северу от горы Яньмо [26]. Удовлетворительной идентификации китайского обозначения горы или гор C14952, 9176 Яньмо (< *'ien-miāt*) не найдено. Цэнь Чжунмянь [27], следуя прочтению В. Томсена строки 26 стелы Тоньюкука [28], сопоставляет Яньмо с названием горного перевала Ыбар на пути тюркского войска к енисейским кыргызам в 708 году (ср. Аманжолов) [29].

⁵ В принципе этот вывод (правда, без достаточно документированного обоснования) принадлежит Х.В. Хауссигу. Греческое название страны Σεινδα он читает *Sirinda* и, соответственно, транскрипцию *sjat* *an-d'a* реконструирует в виде *sirinda*.

⁶ В известии 709 года имеется другая иероглифическая запись имени кибирского тутука C 3536, 10474, 12466 *Емоши* (< *ja-muēt-siē* < **jamurši*) — Йамурчы. Слово “йагмур” значит “дождь”, “йагмурчы” — “вызыватель дождя”. Двумя столетиями раньше шаманский ритуал призвания дождя был известен в государстве Урпен (Юебань) на территории современной Тувы. Текст о нем приведем в переводе Н.Я. Бичурина: “Еще сказали, что в их государстве есть такие волхвы, которые во время жужаньских набегов могли производить продолжительный дождь, сильный буран и даже наводнение. Из жужаньцев 2/10 и даже 3/

Положение нового государства укрепилось после ряда поражений западнотюркского Чора-кагана. Его правитель Йагмурчын Бага-каган покорил сердца подданных своими выдающимися человеческими качествами — исключительной отвагой и твердостью в проведении дел. Он добился того, что правители соседних государств стали с уважением относиться к каганату. К нему “совершенно примкнули” государства Гаочан (Турфан), Иу (Хами) и Яньци (Карашар). Кибирский каганат стал выходить и на международную арену. Сохранилось, например, известие о кибирском посольстве в Чанъань, преподнесшем танскому императору предметы местного производства. В рамках заключенного с императором военного договора войско каганата в 608 году нанесло поражение племенам туюхунь. Обычаи населения “по большей части” были сходны с тюркскими. Отличие заключалось в том, что после женитьбы мужчина до рождения ребенка оставался в доме своей жены, а умерших хоронили в гробах. Это первое огузское государство просуществовало пять лет. В 610 году, когда на западнотюркский трон был поднят Йакуй-каган (*кит.* Егуй), оба правителя сняли с себя каганские звания [30].

Йакуй-каган правил 7 лет (610–617). Никаких известий об участии *се-яньто* в значительных событиях в источниках не имеется. Можно лишь догадываться, что Йагмурчын в эти годы сошел с политической сцены, а местность к северу от гор Тамган стала резиденцией предводителя племени *се-яньто* Ышбара: “...уйгуры, байарку, эдизы, тонгра, бокуты и байси — все эти шесть племен, живущие близ Утукенских гор, подчиняются Шиби-кагану, а племена Ышбар-эркина, находящиеся в горах Тамган, служат Йакуй-кагану” [31]. Видимо, эта “служба” не была тяжелой, так как наследник Йакуй-кагана, Тон-Йабгу-каган (617–630), начал свое правление с того, что вооруженной рукой “присоединил” (или: “поглотил”; *кит.* бин) племена телэ/огузов [32]. Это было чревато повторением совсем недавней кровавой истории казни огузских старейшин. В 627 году внук Ышбара, Ынан-эркин (*кит.* Инань), со своим народом в количестве 70 тысяч семей переселился во владения восточнотюркского Эль-кагана (*кит.* Сели). Его первой военной акцией было нападение на армию Юкук-шада (*кит.* Юйгу-шэ), сына Эль-кагана, назначенного на должность военноправящего всеми огузскими племенами в Северной Монголии. Страшный джунт, эпизоотии, болезни и голод 626–627 годов, внутренние раздоры и отложение от центральной власти целого ряда областей, поражение Юкук-шада обескровили еще недавно могучую кочевую империю Эль-кагана. Ынан со своим племенем поселился в долине р. Тола в Северной Монголии, а его союзниками в борьбе против тюрков стали огузские племена во главе с уйгурским предводителем Пуса, принявшим после победы над “стотысячной” армией Юкук-шада звание кат-эльтебер (*кит.* го-селифа). Этот союз распался уже в 629 году, когда Ынан-эркин объявил себя Йенчу Бильге-каганом. Новый правитель уйгуров Тумиду стал называться улуг-эльтебером (*кит.* хулу-сылифа). На этом этапе к делу окончательного разрома Первого восточнотюркского государства подключилась танская армия. В 630 году последний его правитель Эль-каган был взят в плен и через несколько лет скончался.

4. СЕМЬ ПРЕДВОДИТЕЛЕЙ. ПЛЕЯДЫ

Китайским обозначением количества людей *се-яньто*, переселившихся на восток в 627 году, было “7 вань семей” (*кит.* C6739 вань “десять тысяч”, ср. *тюрк.* *tümän* “десять тысяч”, т. е. 70 000, “семь туменов”). Через 20 лет, когда каганат *се-яньто* доживал последние дни, а в распоряжении спасающегося бегством правителя остались считанные отряды воинов, также сообщалось, что под его рукой было 7 вань/туменов (70 000) “с лишним” [33]. Иными словами, понятие “7 туменов” было

обозначением “самого сильного из телэ/огузов” племени се-яньто. Ближайшей аналогией этому может служить бытование *семеричной* системы племенной организации у татар Внутренней Монголии еще полуисторического времени. Их было, пишет Рашид ад-Дин, “семьдесят тысяч жилищ” [34]. Татарское ханство в Крыму состояло из двух орд. Одна из них называлась Йедисан. В этом двукомпонентном слове первый компонент “йеди” значит “семь”, а “сан” — “десять тысяч”, или просто показатель какого-либо числа. Следовательно, сочетание *йедисан* в этом случае может служить обозначением семиединой общности с названием семь [35]. Во второй половине XVIII века о Йедисан, или Ногайской орде между Волгой и Уралом, писали: “Название Йедисан не старо в этой местности, оно принадлежит собственно могущественной Ногайской орде, которая сначала имела всего 7000 луков (потагарски йеди-сан), но потом сильно умножилась” [36].

В раннетюркских государственных образованиях каждое крупное племя, входившее в их состав, считалось военной единицей и обозначалось понятием “10 тысяч”, “тумен”. Приведем несколько подтверждающих это примеров. Ядром Западнотюркского каганата были “десять племен” (*тюрк.* on oq, *кит.* ши син). Вот как эта организация освещена в рассказе арабского автора: “В один из дней появился каган во главе десяти всадников, у каждого из которых было знамя. Затем поднялся на крутой холм, поросший лесом. Когда взошло солнце, он приказал одному из десяти выставить свое знамя и помахать им. Тот исполнил — и прибыли десять тысяч воинов, вооруженных с ног до головы, кричащих: “Джах! Джах!” И встали они под холмом все вместе со своим, который и объявил их перед царем, а тот продолжал повелевать всем по одному, чтобы выставляли свои знамена и помахивали ими; и когда исполняли они, подходили десять тысяч вооруженных с ног до головы воинов и становились под холмом, а он все думал, пока не были вывешены все знамена и не собрались под холмом сто тысяч вооруженных с ног до головы людей” [37]. Этнополитическим костяком Второго уйгурского каганата были племена *оң-үчүг* “десять (племен) уйгуров”. В Старой редакции “Истории династии Тан” говорится: “Племена Огя-(кагана), видимо, назывались народом “ши вань” “десять туменов” [38]. В 840 году ставка уйгурского кагана была уничтожена противником, каганат пал под его ударами, а часть населения во главе с Огя-каганом откочевала из Северной Монголии к Великой Китайской стене. “Войско Огя-(кагана) все еще оставалось сильным. Оно называлось “десять туменов”, — говорится в Новой редакции [39]. В действительности оно не было сотысячным: через пять лет о нем говорили: “Из нескольких десятков тысяч человек в нем осталось три тысячи” [40]. Подобных примеров немало. Их анализ также привел О. Прицака к заключению, сходному с высказанным выше [41].

“Семь туменов”, или “70 тысяч” се-яньто, — это “семь племен”. “Отрасли семи фамилий/племен” (*ци-син чжунло*), се-яньто, упоминаются в одном из летописных сообщений [42]. Напомним, что “царской фамилией объединения се-яньто была *S3962 Ce* (<*siät* <**ser*). Возможно, часть се-яньто после поражения каганата откочевала на склоны Большого Хингана и стала называться *шивэй*. Племена *шивэй* Прихинганя — это татары [43]. Татарами-огузами были *ци-син шивэй* “семиплеменные шивэй”, иначе *шивэй ци-син* “шивэйские семь племен” [44]. Поэтому с максимальной серьезностью следует отнестись к сообщению 732 года о прибытии в Чаньань великого предводителя (да шоулин) “дальних варваров шивэй” по имени *Се/Сер* [45].

Десять всадников кагана из приведенного арабского рассказа и “десять великих предводителей” (*кит.* да шоулин) Эштеми-кагана древнетюркского предания в китайской записи [46] олицетворяли и символизировали войско и народ “десяти племен”. Точно таким же образом этноним *йеди эр* (“семь мужей-предводителей”), персонифицированный в имени первого кагана се-яньто, был тюркским обозначением

“семи племен” се-яньто. В древнетюркской рунической Онгинской надписи (стк. 5) они названы *jeti epen* “семь мужей-предводителей”: *bu tabuabda jiraja tüy oyuз ara jeti epen jayı bolmıš* — “От этого [государства] Табгач на севере среди сильных огузов [народ] *йети эрен* был врагом”. В документе 1283 года из тибетского собрания П. Пельо народ *je-dre* (~*jedri* < *jedi eri* “мужи-предводители семи [племен]”) упоминается с переводом этого названия “семь племен”: “...Далее к северу живут *семь племен Je-dre*. У них нет общего государя. У них постоянная борьба с хорами (уйгурами). Их палатки покрыты корой березы. Вместо вина они пьют березовый сок, который надаивают, как молоко. Со стороны ущелий страна особенно неприступна” [47].

Традиция этнического *семиединства* в этой части Азии известна со времен “белоконных” и “плешивых” (т. е. остриженных наголо, *луноголовых*) аргиппеев⁷ [48] на Саяно-Алтае “Истории” (кн. IV, 23–24) Геродота и их ветви в предгорьях Наньшаня (КНР, пров. Ганьсу) — “белолобых” (т. е. остриженных наголо, *луноглавых*), “белоконных” (*бай ма*) и семиплеменных юэчжи (<**ngiwat-tei* <**uti/ati, asi*). В мифах древних насельников Азии Солнце приобретало образ красного/рыжего коня, способного за один день преодолеть на небосклоне огромное пространство от рассвета до заката; луна воспринималась в образе белого коня, прodelьвающего такой же путь от заката до рассвета. Иероглифы, входящие в состав транскрипции *юэ-чжи*, имеют смысловую нагрузку: “род Луны”, или “Лунная ветвь”. Поэтому семиплеменность аргиппеев и юэчжи объясняется семиночными фазами лунного месяца, выделенными еще во времена палеолита.

Но есть и дополняющее известие. Согласно древнекитайской астрологии этим племенам покровительствовало семизвездное скопление Плеяд, названных Мао “Волосы [дождя]” (ср. *рус.* Волосыни “Звезды скотьего бога Волоса/Велеса”): “На северо-западе находятся народы ху, ма и *юэчжи*, которые одеваются в войлок и меха и стреляют из луков, они представляют [область] Тьмы *инь*; сила *инь* воплощена в планетах Тай-бо (Венера, ср. *каз.* Шолпан) и Чэн-син (Меркурий; ср. *др.-тюрк.* *suв julduz*; ср. *каз.* Кіші Шолпан). Они гадают по звездам к северу от созвездия Тянь-цзе (Небесная улица; созвездие Тельца, Быка). Главным у них считалось созвездие Мао” [49]. В звездном скоплении Мао (Плеяды) древние китайцы невооруженным глазом видели семь звезд, поэтому в просторечье оно называлось Ци-цзымэй “Семь сестер”. В древнегреческой мифологии Плеяды — это семь дочерей Атланта и его жены Плейоны [50].

У древних народов Евразии эта группа звезд была связана, прежде всего, с представлением о дожде и влаге. Наиболее известным ее тюркским названием было Улкер/Уркер. В труде Махмуда Кашгарского и в “Сборнике летописей” Рашид ад-Дина племя с тем же названием указано в одном и том же списке огузских племен. Анализируя тамгу этого племени (по изданию и переводу “Сборника” Н.И. Березина), Г.Н. Потанин отмечал, что “ее рисунок представляет собой три наклонно расположенные линии, оканчивающиеся вверху стилизованным изображением звезд. Слева от них имеется изображение лука. Этот рисунок совпадает с рядом наскальных изображений” [51]. Н.И. Березин пользовался списком сочинения, в котором название племени записано с ошибочно поставленным диакритическим знаком над последней буквой в слове *اورکیر* уркиз. В опубликованном значительно позднее критическом издании персидского текста этого сочинения [52] отмечены верные варианты *اورکر* уркер и *اورکیر* уркир, что соответствует звучанию, записанному Махмудом Кашгарским *урекир/уркер* [53]. Три наклонные линии — это косой дождь; мифологический лук — изображение нарождающейся луны (месяца). По мнению пишу-

⁷ В древнегреческом языке слово *аргиппеев* значит “белоконные”.

щего эти строки, рисунок этой тамги можно воспринимать как изображение Уркера на фоне звездного неба и луны. Исследованию места и значения Уркера в астрологических представлениях тюрков, в частности, казахов, выяснению семантики этого термина посвящено немало работ [54]. Решения относительно значения слова “уркер/уркер” различны. В казахском фольклоре ему придавалось значение “лось”.

Бывший старший султан Баян-Аульского округа Муса Чорманов, занимавшийся сборанием этнографических материалов для своего племянника Ч.Ч. Валиханова, сообщал: “Уркер по-русски Лось — семь звезд в одном месте; в мае скрываются и не бывают видны 40 дней, по истечении этого времени снова выходят на востоке, на южной стороне так называемого Кус джол (“Птичьей дороги”). Когда восходит Уркер, непременно бывает дождь и ветер; если в это время много было дождя, то предвидится хороший год и поправка скота, если мало — засуха и недостаток корма” [55].

Такое значение для слова *уркер* уникально: в ряде тюркских языков (тувинском, казахском, татарском, хакасском и др.) *лось* называется *булан*. Именем Булан звали легендарного хазарского кагана, принявшего иудейское вероисповедание. П.Б. Голден пишет о нем: “В тюркских языках совершенно очевидно значение этого слова “лось”, “олень”. Возможно, это тотемистическое имя. Слово *булан* следует рассматривать как тюркское” [56]. По мнению В. Банга и А. Габэн, поддержанному А.М. Щербаком, слово *булан* восходит к *кит.* С14943, 4151 пао-линь, в котором первый иероглиф означает “лось” (*Alces machis*); “мифический однорогий лось”, а второй — “единорог, сказочное животное; крупный олень, марал”. Сочетание *бао-линь* (<b'au-ljɛn>*baulän>bolän) и послужило основой тюркского *булан* [57]. Махмуд Кашгарский писал о рогатом животном, свободно посещающем селения кыпчаков и неким образом связанным с выпадением дождя/снега. Его рога образуют подобие сосуда, обращенного к Небу. В нем скапливается дождевая и снеговая вода. Самки пьют ее из рогов самцов, а самцы — из рогов самок. Это животное называется болан/булан [58]. Идеологическим символом се-яньто, имеющим явные черты тотема, был *балан* (ср. *чувашск.* палан “лось”). В китайских записях при описании одного и того же эпизода он транскрибировался: С10104, 5807 балань (b'wat-lân), С1810, 5807 молань (muâ-lân), С1810, 12784 молань (muâ-lân). В 647 году в месяцы сразу после поражения се-яньто от танского войска в знак полного подчинения они прислали императору свой символ — “олень балан; у него шкура, как у быка, а рога, как у оленя С10280 цзя” [59]. После 647 года, когда одна часть “царского” племени *се* (<sjät) на территории Северной Монголии была лишена каганских прав, а другая оказалась на восточных склонах Большого Хингана во главе объединения шивэй-татар (см. выше), яньто приобрели новый политический статус. Как и целый ряд огузских племен, они вошли в состав созданного в 681 году Второго тюркского каганата и стали называться туцзюэ-яньто, хотя во многих документах того времени они по традиции именуется се-яньто, создавая для современного исследователя иллюзию все еще существующего каганата. В 715 году ряд огузских племен, спасаясь от непредсказуемых и губительных рейдов своего стареющего сюзерена Капаган-кагана, откочевал под защиту Тан. Среди них были тюрки-яньто, названные в первом случае се-яньто, а во втором — туцзюэ-яньто. Их предводитель, тутук округа Гархун (*кит.* Дахунь), имел танский титул “генерал военной охраны правой стороны”. Его имя было Балан [60]. Если культ Уркера в образе лося действительно имел место, то следует заключить, что зародиться он мог только в среде жителей лесной зоны.

5. СТАНОВЛЕНИЕ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ

Поднятие Ынана на каганский трон произошло по настоянию танского двора, заинтересованного в лишении Эль-кагана прав на верховную власть в огромном

регионе, а также в окончательном разгроме Тюркского государства, источника многих конфликтов на северных границах. Лишь в следующем, 630-м, году Эль-каган был изгнан и взят Танами в плен. Верховенство в Степи полностью перешло в руки Йенчу-Бильге-кагана. Автоматически и легитимно он становился сюзереном всех народов, находившихся в вассальной зависимости от прежнего правителя. Масштабы распространения нового государства увеличивались по мере его усиления. Расклад сил и военно-политическая ситуация менялись постоянно. В течение одного или нескольких лет исчезали прежние пограничные ориентиры; вместо них появлялись новые. После перенесения орды-ставки в Утекен в 630 году писалось, что на севере его пределы достигают племен *мохэ-тунгусов*. В “Описании Вселенной” говорится, что огузы племени байси на востоке соседнили с *мохэ*, “они вместе подчинились Эль-кагану” [61]. В VI веке о шивэй писали: “Ни у одного из кочевий нет правителя, народ беден и слаб, поэтому тюрки-туцзюэ всегда управляли им с помощью трех *тутунь-распорядителей*” [62]. Так же было в VII веке: “Они зависят от тюрков-туцзюэ” [63]. Эти территории стали частью владений нового государства. Йенчу Бильге предпринимал успешные рейды против осевшего в северной части Алтая тюркского Кобы-кагана (*кит.* Цзюйби). “На востоке — [племена] шивэй. На западе — Золотые горы (Алтай), на юге — тюрки (Ордоса), на севере — Байкал (Бэйхай; в тексте ошибочно Ханьхай); это прежняя страна сюнну”. У него было 200 тысяч войска. С целью укрепления государственной структуры он произвел районирование каганата на два крыла, западное и восточное, с центром в Утекене. Военноуправляющим — шадом западной стороны (тардуш) стал его сын от старшей жены, Барчак (*кит.* С10104, 7224 Бачжо <b'wät-tšjak <*bačsaq), уже получивший за одержанные на западе победы звание Эштеми-йабгу (*кит.* Шаданьми еху). Он управлял племенами собственно яньто, кочевавшими к западу от Утекена. В летописи он чаще упоминается как Тарду-шад (Tardú šad) [64]. Военноуправляющим — шадом восточной стороны (толиш; этимология: Махпиров [65]) — стал старший сын кагана от одной из вторых жен, Йемек (*кит.* С11804, 4618 Имоу⁸ [66] <iäi-məu/*mög<*jemäk). В летописи он обычно назван Тулиши (Toliš), хотя известно и его имя Толи-шад (Вэй Чжэн: Тули-шэ; Мори: Töliš šad) [67]. Он управлял “смешанными племенами”, обитавшими к востоку от Утекена (Хангайского нагорья).

Иерархическое положение обоих братьев было неодинаково. Вопреки традиции, сложившейся еще в последних столетиях до н. э., согласно которой лишь сын от матери из восточного (т. е. левого и “царицынского”) крыла считался полноправным наследником верховного трона, здесь было все наоборот. Йемеку не раз напоминали о его недостаточно благородном происхождении; в источнике отмечается, что он и сам понимал ущербность своего статуса, тем более что его войско было несравненно малочисленнее, чем у младшего брата.

Стремясь взрастить зерна назревающего конфликта и тем ослабить набирающее мощь государство, танский император пожаловал обоих братьев званием “малый каган” [68].

Западное крыло (тардуш)

Малый каган тардушского крыла правил “коренными” племенами яньто. Принятое танами после падения каганата Се-яньто и поражения Кобы-кагана тотальное “районирование” всей Степи с указанием названий племен и занимаемых ими территорий почти не коснулось яньто. Тому причиной были массовый исход с прежних территорий и разрушение этносоциальных связей внутри объединения. В

⁸ Вместо Иман. Звучание иероглифа С4618 *моу* см.: Канси цзидянь, 1958, с. 964.

интендантском реестре тамг лошадей, поступающих от вассальных племен на нужды танской армии (сер. VII в.), говорится: “Лошади яньто похожи на [лошадей] племени тонгра; они от семени белых лошадей с черными гривами и лошадей сивых. Ныне [племена] сильно рассеялись, множество ушедших [на все] четыре стороны, а [оставшиеся] живут сейчас к северу от Ючжоу” [69].

В целости сохранилось лишь племя аштак, не принимавшее участие в кровавых внутренних разборках. Будучи юэчжийским, т. е. *царицынским* по происхождению [70], оно, согласно давней материнско-правовой традиции, олицетворяло землю и народ. Существовало еще одно обстоятельство, обеспечивающее ему особое положение. Эркин этого племени наследственно (?) занимал должность *шицзянь*. Транскрипция C5320, 11369 *шицзянь* (<ʒi-gʲjan) восходит к тюркскому слову *siqan* (ср. согд. *šykn*), которое “в свою очередь передает китайский же термин C235, 2371 *шигуань* (<dži:-kuân) “судья” (ср. Лившиц) [71]. Иными словами, транскрибируя слово *чыкан*, китайцы не узнали в нем собственный термин *шигуань* “судья”, а передали его совсем другими иероглифами. Аштаки были племенем “судьи”. При этом нелишне напомнить, что в Первом тюркском каганате один из высших его сановников из племени аштак был в должности *йарган* “судебный исполнитель (Лю Сюй [72]: C14968, 15496 *жэхань* <ńǰǰāt-γān<jaγan). Именно в этом племени искал последнее спасение Барчак, узурпировавший верховную власть на излете истории каганата. Пришедшие уйгуры убили его. В 647 году племя аштак (*кит.* ашидэ; Малявкин [73]: ашина) якобы было размещено в округе Цилян [74]. Транскрипцией *цилян* (и ее многочисленными вариантами) передавалось юэчжи-тохарское слово *kiglen* “колесница”, “облачная колесница вод и плодородия”. Это был один из главных идеологических символов древних юэчжи. Так назывались горы (хребет Рихтгофена) в системе Наньшаня. По имени и в окрестностях этих гор и был создан округ Цилян. В связи с широким распространением племен юэчжи или их (по крайней мере, идеологических) потомков на пространствах Центральной Азии округов с таким названием было несколько. Какой из них был разделен на Западный и Восточный, вероятно, не было понятно самим танским канцеляристам. В 652 году были упразднены оба [75]. Цитированный выше интендантский реестр был создан для сугубо практических целей. Поэтому содержащиеся в нем географические ориентиры местожительства племени аштак (ашидэ) можно считать реальными и точными; упоминание в нем округа Западный Цилян позволяет датировать *это* известие временем до 652 года, когда он был упразднен. “Аштакские лошади одной породы с [лошадьми племени] сунун и чжиши; они находятся на северных [склонах] Иньшаньских гор, в северной [части] долины горной реки Куянь, в Западном округе Цилян” [76].

В эти же годы был учрежден округ C8509, 4277 Цитань <kiei-tān<*ketān. “В первом году периода Юн-хуэй (2.П.650–26.1.651) ранее бежавшие *предводители* (шоулин) яньто просили разрешения вернуться в танское государство. Император Гаоцзун вновь учредил округ Цитань для их умиротворения и оказания помощи” [77]. В версии Новой редакции изменена сущность эпизода: “Округ Цитань учрежден для собрания рассеявшихся и бежавших племен (було) яньто” [78]. В обоих случаях локализация округа отсутствует. Такое же, но в другой иероглифической записи название округа существовало у племени *эдилов* (*кит.* C5042, 8750 *аде*<â<d'iet<ediz) C1453, 2794 Цзитянь (<kiei-dien<kitān/ketān) [79]; он находился к юго-востоку от горы Магы-курбан (*кит.* Мохэ-кухань) [80]. В иероглифическом оформлении C7259, 6752 Цзедань (<g'iat-tan<ketān) оно встречено у тюргешей долины р. Чу в VIII веке: “...На севере от города Суйбаба (ныне городище Ак-Бешим) протекает река Суйаб (р. Чу). В 40 ли на севере от реки находится гора Кетан. Здесь каган десяти [тюргешских] племен ежегодно назначает высших сановников — цзюньчжан” (Оуян Сю, ср.

было xtai. В приписке к тюркскому колофону священной манихейской “Книги двух основ” (Yki jiltiz nom), предназначенной для проповеди манихейства среди тюргешского “народа десяти племен (op oq)”, говорится, что одним из ее читателей (и проповедников?) был из местности *Xмай* [82]. Правверный мусульманин Махмуд Кашгарский (XI в.) в своем “Словаре” перевел слово *ketān* в значении “трудность”, но в обычной для него этимологии-намеке дал представление о его внешнем виде: *ketān kōrdi kegāgū jūdti* “увидел *каган* — взвалил шатер на спину” [83]. В ряде тюркских языков слово *алаша/алача* значит не только “спина”, но и “шатер” [84]. Если такое построение будет сочтено приемлемым, то можно заключить, что в условиях кочевой степи манихейская молельня могла размещаться в шатре. Такое заключение не ново. Подобное в 403 году отмечал Евсевий Иероним: “...войско гетов возит с собой палатки церквей” [85].

О других административно-территориальных единицах яньто, учрежденных в середине VII века, т. е. непосредственно после падения каганата, источники не упоминают, хотя сами яньто иногда выступают как военная сила, действующая на стороне Тан [86]. В 680 году некая часть их, возможно, принимала участие в восстании тюркских племен Шаньюева наместничества против Тан [87]. В сообщении того же года говорится, что “сеяньтоский Дахунь с другими — все [предводители] пяти огузов с населением 40 тыс. семей пришли и покорились” [88]. Предводитель (шоулин) яньто Дахунь стал военнотуправляющим-тутуком, ему было присвоено звание “генерал мужественной охраны правой стороны” [89]. Транскрипция C11120, 4324 дахунь (<d'āt-yuēn<tarγun) — это *тархун* (вариант термина *тархан*). Территория Тархунского военнотуправления (дуду-фу) охватывала северную часть современной провинции Шэньси [90]. Можно предположить, что перечисленные здесь “пять округов” 70 лет назад входили в состав “коренных” яньто-тардушей Барчака. Их список содержится в географическом разделе Новой редакции “Истории династии Тан”, где сказано, что центр управления находился в Ниншо (совр. уезд Юйлинь провинции Шэньси). Кроме разобранного выше Цитань, в нем названы округа Гуянь, *Буцжо* Гу, Дису.

1. Транскрипция C2104, 5026 Гуянь (<kuo-jān<*kujān~*qujan) и ее многочисленные раннесредневековые варианты восходят к юэчжийскому названию Белого потока (Млечного пути), реки (Эдзин-гол) и озера/“моря”. C2109, 11347 Цзюйянь (<kjwo-jān<*kujān) — Куянь, культ которого был у них основным. Китайским переводом этого слова было C2658, 2690 бай-си “Белый ливень/поток”. В раннетюркское время его следы сохранялись в гидронимике, оронимике, топонимике и этнонимике этой части Азии. Возможно, в данном случае речь идет о куянь/куин-татарах (كوين), живших впоследствии в бассейне оз. Буйр-нор [91].

2. Транскрипция C6811, 13365, 1821 буцижо (<buo-kiēt-ńǰǰāk<*buqarsiq) отражает название племени *букарсык*. Племя *баграсик* упоминает сирийский писатель Захария Ритор среди народов, живущих в палатках. Они “существуют мясом скота и рыб, диких зверьми и оружием. Вглубь от них живут амарзаты и люди-псы” [92]. Согласно “Древнетюркскому словарю” (С. 125) слово *buqarsiq* значит “соха”, “упряжь”.

3. Транскрипция C7778 гу (<kuēt) отражает название племени *küt*. В цитированном уйгуро-тибетском документе они названы “малым племенем Gud”, живущим к западу от “семи племен Ye-dre (<jedi eri) [93]. Это название содержится также в “Родословной туркмен”. “В те времена, — говорится в ней, — узбеков называли могилами. Пришли четыре могила и, поступив в батраки к Хызыр-чорá, присматривали за его скотом ... Все они разбогатели. ... И всякому, кто их спрашивал: “Что вы за народ?” — они отвечали: “Мы люди Хызыр-бая”. Мало-помалу их стали называть хызыр-или. В хызыр-или был *один уруг*, его называют кутлар (كوتلار)” [94].

4. Реконструировать транскрипцию C11453, 9140 Дису (<tiei-sjwok) пока не удается.

2004

2

KAZAKHSTAN

ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ им. Р. Б. СУЛЕЙМЕНОВА

SHYGYYS

Научный журнал

МАЗМУНЫ — СОДЕРЖАНИЕ — CONTENTS

ИСТОРИЯ

- Ю. А. Зуев. Каганат Се-яньто и кимеки (к тюркской этно-географии Центральной Азии в середине VII в.) 3
- Н. Базылхан. Түрік бітіктану саласының өзекті мәселелері жайында 27
- Б. Б. Ирмуханов. “Мурудж” ал-Масуди – ценный источник по средневековой истории Казахстана 32
- B. Yezhenkhanuly. A Naiman Kin in China during the Yuan and Ming Periods 43
- Б. Еженханұлы. XV ғасыр қытай жиһанкезі Чэнь Чэннің Моғолстан шекарасы туралы естелігіне талдау 47
- Ж. М. Джампеисова. Судебные реформы Российской империи второй половины XIX века на территории Казахстана и традиционное право казахов 52
- А. Арианфар. Роль российских и советских востоковедов в изучении истории Афганистана, Ирана и Центральной Азии 64
- А. К. Камалов. Восточно-Туркестанская Республика в записках британского дипломата Вальтера Грэхэма 67
- Г. К. Муқанова. Идентификация Центральной Азии в трудах Н. И. Конрада 76
- Г. Б. Бырбаева. Проблемы семейного тождества в западных историко-политических исследованиях Центральной Азии 81

ПОЛИТИКА, ЭКОНОМИКА, СОЦИОЛОГИЯ

- G. Sachdeva. Rejuvenating Economic Relations between South Asia & Central Asia 88
- А. И. Оразбаева. Структура социальных связей в традиционном казахском обществе 102

ВОСТОЧНОЕ ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ

- К. У. Торланбаева. Тюркские рунические надписи в ретроспективе их исторического значения 116
- Ш. Вахидов. “Муи’изз ал-ансаб” – важный источник истории и генеалогии Тимуридов и Бабуридов 125
- Н. Базылхан, Р. Бірімжарова. ҚР ҒБМ Ұлттық Ғылым академиясы Орталық Ғылыми кітапханасының қорындағы көне моңғол, манжур, тибет тілдеріндегі сирек қолжазба, кітаптар жайында 131
- Н. Е. Бекмаханова. Объяснительная записка к “Степному положению” 1891 года 136

АРХЕОЛОГИЯ

- A. K. Akishev. The Great Silk Road – a Route of Missionaries 148

КАГАНАТ СЕ-ЯНЬТО И КИМЕКИ

(к тюркской этногеографии Центральной Азии в середине VII в.)*

ВОСТОЧНОЕ КРЫЛО

Имя старшего сына от одной из вторых жен кагана было *Йемек*. Впервые это имя (персонифицированный этноним) в форме С6998, 408 *Имо* (<.imək<*jimək) упоминается в начале новой эры. “Госпожой Йимек” (Имо-цзюйцы) на своем языке называли северные сюнну супругу своего государственно-го судьи из племени сюйбу (<sjū-puk) китайку Юнь [95]. В 64 г. н. э. намечались заключение мирного договора и открытие торговли между северными сюнну и Хань. Руководствуясь этим, северный шаньюй послал для торговли с ханьскими купцами правителя (ван) Имо-Цзы...” [96]. Транскрипция С6968, 8428 имо (<.i-māk) отражала исходный термин *jimək, слово С1898 цзы значит “богатство”.

В первом китайском повествовательном сообщении о йемеках (*кит.* С1088, 8444 яньмо<iam-māk<jemāk), относящемся к началу VII в., приведен титул их предводителя яньмо-нянь-долу-цюэ-сыцзинь. Слово С14646 нянь (<niem) – транскрипция согдийского термина nam (n'm) “имя”, “по имени”. Оно обнаруживает, что данная информация была записана со слов согдийца. Это придает ей ценность, так как торговые согдийцы были основными функционерами на бесчисленных дорогах и тропинках Великого Шелкового пути, пронизавших весь континент. Этнографию региона они знали реально, а не по слухам. Транскрипция С1652, 13660 долу (<tuət-ljūk) отражает тюркский термин tuŋuq “чистый”, свойственный, как правило, религиозной, преимущественно манихейской, среде. Сочетанием иероглифов С5785, 8716, 3234 цюэ сыцзинь стационарно транскрибировался тюркский титул kü/köl-erkin [97]. В реконструированном виде китайскую запись можно читать: jemäk-nam tuŋuq kü-erkin “Турук кюль-эркин, называемый Йемек”.

Фрагмент этого сообщения в “Изначальной черепахе” начинается словами: “Племя (було) Турук кюль-эркина, называемого Йемек, а также племя кештим (*кит.* кэшидань, *тиб.* Ges-Dum [98]) – оба (в тексте: вместе) находятся на востоке от [страны] Пегих/Пестрых коней...” [99]. Обширные просторы страны Пегих/Пестрых коней в Сибири составляли с востока на запад месяц пути, с юга на север – 50 дней пути. Путь (из Согда?) в эту страну проходил через “пять местностей больших племен туцзюе-тюрк”, в которых нетрудно увидеть территории пяти племен правого крыла Западнотюркского каганата. Он пал в 656 году. Но в том же тексте упоминаются тюреша (туциши), государство которых было создано на тех же землях в 699 году. Следовательно, текст скомпонован из разновременных известий. Прочитываем его по “Сводному уложению”: “За 30 дней пути на юг от страны Пегих коней приходят к тюрешам. За 30 дней пути (на восток) прибывают к Турук кюль-эркину, называемому Йемек. Еще за 8 дней пути (на восток) приходят к кештима. Из них пегие кони и йемеки не разводят ни коров, ни овец, ни другого домашнего скота. Их свадебные обычаи одинаковы с тюркскими...” [100]. При этом следует помнить, что енисейские кыргызы были южными соседями страны Пегих коней [101]. Таким образом, йемеки этого сообщения оказываются на востоке как страны Пегих коней и енисейских кыргызов, так и Утекена (Хангайское нагорье).

* Окончание. Начало в № 1 (2004 г.).

К характеристике восточного крыла каганата Се-яньто относится упоминаемый в хронике среди других ориентир “На севере — река Цзюйлунь” [102]. По мнению китайского ученого XIX в. Дин Цяня, это не “река” и не “гора” (так записано в разных изданиях), а известное озеро (бо) Цзюйлунь [103]. Транскрипция C13757, 6237 (имеются графические варианты) Цзюйлунь (<kju-ljuen<*kūlun) — Кюлон сохранился и в других текстах. В географическом труде Цзя Дая (730–805 гг.) говорится: “Есть озеро Цзюйлунь. [Племена], живущие вокруг этого озера, — все они шивэй” [104]. “Ныне самыми западными из шивэй, теми, которые граничат с уйгурами, — говорится в другом сообщении, — является племя C7696, 14346, 3007 усугу (<uo-suo-kuo). Они живут к юго-западу от озера Цзюйшу (надо: Цзюйлунь)” [105]. Судя по тому, что в архаическом тексте-вставке о татарах (см. ниже) Рашид ад-Дин размещает в этой области племя с монгольским (киданьским?) обозначением усугу-мангун (речные мангусы), третий иероглиф приведенной китайской транскрипции (C3007 гу) можно считать небрежной записью более сложного иероглифа C3019 ту (<d’uo) и читать всю транскрипцию усугу (<uo-suo-d’uo<*usutu). Племена шивэй и Прихинганья были татарами [106]. Это были татары-огузы. В китайском источнике того же времени они названы “кюлонскими огузами” (кит. C5973, 6238, 433, 5973, 14585 гулунь угусы <kuet-ljuen `uk-kuet-si <*kūlun oγuz [107]). Огузами считал татар персидский автор X века [108]. Махмуд Кашгарский (XI в.) называл татар одним из тюркских народов [109].

Озеро Кюлон — это современное озеро Кулун/Хулун, иначе Далай-нор, в Автономном районе Внутренняя Монголия КНР. В него впадает самая большая река Монголии Керулен/Келурен (долина 1264 км). В многодождливые сезоны и высокоую воду Далай-нор через Мутную протоку становится вторым истоком р. Аргунь (первый — р. Хайлар), на берегу которой, как память о далеком прошлом, стоит городок Шивэй. Далай-нор — крупнейшее озеро, его долина в отдельные периоды могла достигать 75–100 километров. Монгольское слово *далай* (ср. *тюрк. taluj*) значит “море”. Эта область, заселенная в раннем средневековье татаро-огузскими племенами, была известна добычей серебра. Юэчжи-“тохарским” обозначением серебра/белизны было *āgki* (диалект А), *āgkwi* (диалект Б). Данная терминология сохранилась в топонимике области вплоть до XIII века. Особенно был известен имевший некую сакральную значимость серебряный источник с тохаро-тюркским названием Аркуй/Алкуй-булак (кит. Алэхуй-булахэ; ср. *āgkwi*)¹. В “Сокровенном сказании монголов” (§§ 129, 141) сообщается, в частности, что в 1201 г. здесь при слиянии рек Аргунь и Кан состоялся курултай племен “белого звания” по возведению на гурханство вождя из племени джадаран с принесением ему присяги верности. Коротко упомянув об этом, Рашид ад-Дин вводит в текст рассказ о татарах, не связанный с предыдущим повествованием. Несмотря на присутствие нескольких черт, характерных для конца XII в., его основу можно уверенно датировать временем непосредственно после гибели Второго уйгурского каганата, уходя части его населения под защиту города-области Канцзюй (*Kanka-dih; здесь: *Канкаты) в стране Шивэй и установления в западной ее части (“семь племен шивэй”!) кыргызского сюзеренитета. Несколько наименований, содержащихся в коротком

¹ Прямая аналогия этому обнаруживается на территории СУАР КНР. В раннетюркское время отроги Тяньшаня между тохарскими княжествами Куча и Арги (Яньци, Карашар) носили название Аркуй, или Аргу “Серебряные”. По-тюркски их называли Кумуш-таг “Серебряные горы” и Ай-кумуш-таг “Лунно-серебряные горы”, по-китайски Иньшань “Серебряные горы”. Близ Карашара находился чудодейственный источник Аргай-булак. Н. Я. Бичурин писал о Тяньшане: “Собственно кряж Небесных гор начинается в кашгарском округе от Аргу-того по северо-восточную сторону Кара-кюля. Сей хребет китайцы еще называют Бельми горами Бай-шань.” [110]

рассказе, искажены. Они реконструированы путем сопоставления разных списков Дж-ами’ ат-тав-ар-и.х с привлечением иных источников в другой работе пишущего эти строки. “...Они проживали по низовьям рек. При слиянии этих рек образуется река Эргунэ (т. е. Аргунь). Река эта чрезвычайно большая. На ней живет одно монгольское племя, которое называют усугу-мангун. Границы [его расселения] в настоящее время соприкасаются с (в тексте пропуск; в предполагаемом китайском первоисточнике “с уйгурами”; см. выше). Та река находится близ города, называемого *Канкати, а он в том месте, где сливаются она и река Кам (Гам, Кан, кит. Гэнь-хэ). Город этот относится к области кыркызов. Утверждают, что река эта течет в одну область, по соседству с которой находится море. Повсюду там серебро (накрэ). Имена этой области: Алакчин, Лактан, Мюнгю и Келурен. Говорят, что все лошади там пегие (ала); каждая лошадь сильная, как четырехгодовалый верблюд. Там все инструменты и посуда — из серебра” [111].

Почти три столетия назад следы города Канкати и колодца были обнаружены Г. Ф. Миллером, автором фундаментального труда “История Сибири”. В 1735 г. по результатам своих путешествий по Сибири и Поаргунью он написал обстоятельную статью “О древних памятниках в уездах Селенгинском и Наречинском”. “В 12 верстах ниже города Цурухайту, — писал Миллер, — в Аргунь впадает река Ган, с той же стороны в Аргунь впадает река Хаул. Местность, лежащая между ними, равна. Единственная небольшая гора возвышается на одинаковом расстоянии от той и другой реки, верстах в 10 от Аргуня. У южной подошвы этой горы находятся остатки укрепления, наиболее замечательного среди других памятников древности в этих местах. Укрепление окружено валом (в человеческий рост), обнимающим четырехугольное пространство приблизительно в 300 сажень, и рвом. Посередине каждой линии вала — ворота, к которым можно пройти не прямо, а сбоку, так как они защищены полукруглой насыпью, которая с другой стороны соединяется с валом. По углам имеются выступы, похожие на бастионы. Стороны вала соответствуют четырем сторонам света. Посередине пространства, огражденного упомянутым валом, находится другой четырехугольный вал одинаковой с первым вышины, длиною с севера на юг в 80, а шириною с востока на запад в 40 сажень. Над укреплением как бы построено другое укрепление вроде цитадели. Половина пространства, занятого этой цитаделью, ближайшая к северу и более возвышенная, похожа на воткнутый в подставку крест одинаковой вышины. Неподалеку от внешнего вала к востоку имеется яма, имеющая вид давно обвалившегося колодца. По-видимому, здесь некогда находился обильный водой ключ, которого уже нет” [112].

Присутствие монголоязычных (киданеязычных) племен в составе огромного разноэтничного массива шивэй известно [113].

Во всяком случае, их влияние на огузскую среду существовало, оно было значительным. Выше уже упоминалось одно из “имен” этой области Мюнгю “Серебро”. В именной форме это слово звучит Мюнгюр/Мюнгюр. Оно было калькой тюркского Кумуш/Гумуш (*kümüš/gümüš*) в том же значении. Все три формы сосуществовали, это объясняется особенностью этноязыковой ситуации в рассматриваемом регионе. В персидской анонимной Географии 982 года и в арабском труде 1120 года племя Кумуш (كومش; в тексте كومش) названо вторым в дефектном перечне племен Хинганского пояса (“слева от Чина-Китая по направлению к летнему восходу”, т. е. на северо-востоке, “между Чином и хирхизами” [114]. Китайские хронисты знали “племя, проживающее у горы (или: в горах) Гумуш (кит. Хумусы)”, “вассальные племена, проживающие у горы (или: в горах) Гумуш” [115]. Для реки Аргунь/Аргуня такое название в китайских документах пока не обнаружено. Можно ограничиться лишь предположением, что ее название *Ārgänä* (Рашид ад-Дин: ارگنه; Ван Говэй: Э-эр-гу-на) восходит к *тох. ārkinnä* “серебряность”, “белизна”.

К характеристике восточного крыла каганата Се-яньто относится упоминаемый в хронике среди других ориентир “На севере — река Цзюйлунь” [102]. По мнению китайского ученого XIX в. Дин Цяня, это не “река” и не “гора” (так записано в разных изданиях), а известное озеро (бо) Цзюйлунь [103]. Транскрипция C13757, 6237 (имеются графические варианты) Цзюйлунь (<kju-ljuen<*kūlun) — Кюлон сохранился ранее и в других текстах. В географическом труде Цзя Дая (730–805 гг.) говорится: “Есть озеро Цзюйлунь. [Племена], живущие вокруг этого озера, — все они шивэй” [104]. “Ныне самыми западными из шивэй, теми, которые граничат с уйгурами, — говорится в другом сообщении, — является племя C7696, 14346, 3007 усугу (<uo-suo-kuo). Они живут к юго-западу от озера Цзюйшу (надо: Цзюйлунь)” [105]. Судя по тому, что в архаическом тексте-вставке о татарах (см. ниже) Рашид ад-Дин размещает в этой области племя с монгольским (киданьским?) обозначением усугу-мангун (речные мангусы), третий иероглиф приведенной китайской транскрипции (C3007 гу) можно считать небрежной записью более сложного иероглифа C3019 ту (<d’uo) и читать всю транскрипцию усугу (<uo-suo-d’uo<*usutu). Племена шивэй и Прихинганья были татарами [106]. Это были татары-огузы. В китайском источнике того же времени они названы “кюлонскими огузами” (кит. C5973, 6238, 433, 5973, 14585 гулунь угусы <kuet-ljuen `uk-kuet-si <*kūlun oγuz [107]). Огузами считал татар персидский автор X века [108]. Махмуд Кашгарский (XI в.) называл татар одним из тюркских народов [109].

Озеро Кюлон — это современное озеро Кулун/Хулун, иначе Далай-нор, в Автономном районе Внутренняя Монголия КНР. В него впадает самая большая река Монголии Керулен/Келурен (долина 1264 км). В многодождливые сезоны и высокоую воду Далай-нор через Мутную протоку становится вторым истоком р. Аргунь (первый — р. Хайлар), на берегу которой, как память о далеком прошлом, стоит городок Шивэй. Далай-нор — крупнейшее озеро, его долина в отдельные периоды могла достигать 75–100 километров. Монгольское слово *далай* (ср. *тюрк. taluj*) значит “море”. Эта область, заселенная в раннем средневековье татаро-огузскими племенами, была известна добычей серебра. Юэчжи-“тохарским” обозначением серебра/белизны было *āgki* (диалект А), *āgkwi* (диалект Б). Данная терминология сохранилась в топонимике области вплоть до XIII века. Особенно был известен имевший некую сакральную значимость серебряный источник с тохаро-тюркским названием Аркуй/Алкуй-булак (кит. Алэхуй-булахэ; ср. *āgkwi*)¹. В “Сокровенном сказании монголов” (§§ 129, 141) сообщается, в частности, что в 1201 г. здесь при слиянии рек Аргунь и Кан состоялся курултай племен “белого звания” по возведению на гурханство вождя из племени джадаран с принесением ему присяги верности. Коротко упомянув об этом, Рашид ад-Дин вводит в текст рассказ о татарах, не связанный с предыдущим повествованием. Несмотря на присутствие нескольких черт, характерных для конца XII в., его основу можно уверенно датировать временем непосредственно после гибели Второго уйгурского каганата, уходя части его населения под защиту города-области Канцзюй (*Kanka-dih; здесь: *Канкаты) в стране Шивэй и установления в западной ее части (“семь племен шивэй”!) кыргызского сюзеренитета. Несколько наименований, содержащихся в коротком

¹ Прямая аналогия этому обнаруживается на территории СУАР КНР. В раннетюркское время отроги Тяньшаня между тохарскими княжествами Куча и Арги (Яньци, Карашар) носили название Аркуй, или Аргу “Серебряные”. По-тюркски их называли Кумуш-таг “Серебряные горы” и Ай-кумуш-таг “Лунно-серебряные горы”, по-китайски Иньшань “Серебряные горы”. Близ Карашара находился чудодейственный источник Аргай-булак. Н. Я. Бичурин писал о Тяньшане: “Собственно кряж Небесных гор начинается в кашгарском округе от Аргу-того по северо-восточную сторону Кара-кюля. Сей хребет китайцы еще называют Бельми горами Бай-шань.” [110]

рассказе, искажены. Они реконструированы путем сопоставления разных списков Дж-ами’ ат-тав-ар-и.х с привлечением иных источников в другой работе пишущего эти строки. “...Они проживали по низовьям рек. При слиянии этих рек образуется река Эргунэ (т. е. Аргунь). Река эта чрезвычайно большая. На ней живет одно монгольское племя, которое называют усугу-мангун. Границы [его расселения] в настоящее время соприкасаются с (в тексте пропуск; в предполагаемом китайском первоисточнике “с уйгурами”; см. выше). Та река находится близ города, называемого *Канкати, а он в том месте, где сливаются она и река Кам (Гам, Кан, кит. Гэнь-хэ). Город этот относится к области кыркызов. Утверждают, что река эта течет в одну область, по соседству с которой находится море. Повсюду там серебро (накрэ). Имена этой области: Алакчин, Лактан, Мюнгю и Келурен. Говорят, что все лошади там пегие (ала); каждая лошадь сильная, как четырехгодовалый верблюд. Там все инструменты и посуда — из серебра” [111].

Почти три столетия назад следы города Канкати и колодца были обнаружены Г. Ф. Миллером, автором фундаментального труда “История Сибири”. В 1735 г. по результатам своих путешествий по Сибири и Поаргунью он написал обстоятельную статью “О древних памятниках в уездах Селенгинском и Наречинском”. “В 12 верстах ниже города Цурухайту, — писал Миллер, — в Аргунь впадает река Ган, с той же стороны в Аргунь впадает река Хаул. Местность, лежащая между ними, равна. Единственная небольшая гора возвышается на одинаковом расстоянии от той и другой реки, верстах в 10 от Аргуня. У южной подошвы этой горы находятся остатки укрепления, наиболее замечательного среди других памятников древности в этих местах. Укрепление окружено валом (в человеческий рост), обнимающим четырехугольное пространство приблизительно в 300 сажень, и рвом. Посередине каждой линии вала — ворота, к которым можно пройти не прямо, а сбоку, так как они защищены полукруглой насыпью, которая с другой стороны соединяется с валом. По углам имеются выступы, похожие на бастионы. Стороны вала соответствуют четырем сторонам света. Посередине пространства, огражденного упомянутым валом, находится другой четырехугольный вал одинаковой с первым вышины, длиною с севера на юг в 80, а шириною с востока на запад в 40 сажень. Над укреплением как бы построено другое укрепление вроде цитадели. Половина пространства, занятого этой цитаделью, ближайшая к северу и более возвышенная, похожа на воткнутый в подставку крест одинаковой вышины. Неподалеку от внешнего вала к востоку имеется яма, имеющая вид давно обвалившегося колодца. По-видимому, здесь некогда находился обильный водой ключ, которого уже нет” [112].

Присутствие монголоязычных (киданеязычных) племен в составе огромного разноэтничного массива шивэй известно [113].

Во всяком случае, их влияние на огузскую среду существовало, оно было значительным. Выше уже упоминалось одно из “имен” этой области Мюнгю “Серебро”. В именной форме это слово звучит Мюнгюр/Мюнгюр. Оно было калькой тюркского Кумуш/Гумуш (*kümüš/gümüš*) в том же значении. Все три формы сосуществовали, это объясняется особенностью этноязыковой ситуации в рассматриваемом регионе. В персидской анонимной Географии 982 года и в арабском труде 1120 года племя Кумуш (كومش; в тексте كومش) названо вторым в дефектном перечне племен Хинганского пояса (“слева от Чина-Китая по направлению к летнему восходу”, т. е. на северо-востоке, “между Чином и хирхизами” [114]. Китайские хронисты знали “племя, проживающее у горы (или: в горах) Гумуш (кит. Хумусы)”, “вассальные племена, проживающие у горы (или: в горах) Гумуш” [115]. Для реки Аргунь/Аргуня такое название в китайских документах пока не обнаружено. Можно ограничиться лишь предположением, что ее название *Ārgänä* (Рашид ад-Дин: ارگنه; Ван Говэй: Э-эр-гу-на) восходит к *тох. ārkinnä* “серебряность”, “белизна”.

В 1125 г. племя Гумуш участвовало в курултае кочевых племен, поддерживавших каракытского Елюй Даши в его самоизгнании в Семиречье [116]. В “Истории династии Тан” это племя названо мюнгюр/мюнгюр (*кит.* C9583, 12508 мэнью < mung-pngüet < *münggür/müngür; в Старой редакции описки: C9583, 13300 мэнва)². На северном берегу обозначено племя лактан (*кит.* C2288, 18 лотань < lāk-tān < laqtan): “Кочевья больших шивэй [с обеих сторон] прилегают к реке Шицзянь (Аргунь). Эта река вытекает из озера Цзюйлунь (Кюлюн) и течет на восток. К югу от реки живет племя мюнгюр, а к северу от нее живет племя лактан” [119].

Для мусульманских писателей все территории этой области в IX–X вв. были “Землей Незнаемой”. Положение изменилось после создания киданьского (кытан, кытай) государства (907–1125 гг.) на территории Маньчжурии. При изложении известий о народах Дальнего Востока, Прибайкалья и востока Центральной Азии крупнейший ученый Востока Бируни пользовался расспросными данными, полученными, в частности, во время пребывания в Газне киданьского посольства [120]. В своем труде “Памятники минувших поколений” он также пишет о колодце в Серебряной горе Мюнгюр: “...И вроде того озера [Сабзаруд] источник (или: колодец) пресной воды в стране кимеков в горе, называемой Мюнгюр. По величине он равен щиту, поверхность его воды вровень с краями. Когда из него пьет целое войско, уровень не понижается даже на палец. Возле этого источника есть камень, на нем след ступни, ладоней с пальцами и колен человека, который пал здесь ниц, след ног ребенка и след копыт осла. Тюрки-гуззы поклоняются этим следам, когда видят их” [121]. Отметим сразу, что след павшего ниц человека означает его смерть. Такое заключение подтвердится излагаемым ниже материалом.

Цитированные строки являются мнемонической формулой более пространно сюжета-информации о кимеках (йемеках). Судя по присутствию в ней животного, это миф. В нем фигурируют ребенок и умирающий старик – стало быть, это миф генеалогический. Общим рефреном формулы является след.

Как культовый элемент “след божества” присущ большинству религий Восточной Азии. Младенческий возраст божественного персонажа предполагает его будущее могущество в космических масштабах, а оставляемый им след можно интерпретировать как мифологический центр мира “ось мира”, соотносимую с идеей Мирового дерева, вокруг которого группируются события эпохи Творения.

Но в некоторых случаях след шагающей по земле ноги божественного героя предвещает его смертность, так как место бога – на небесах. В древнеиндийской “Махабхарате” выражение “касающийся ногой земли” равнозначно понятию “смертный” [122]. В огузском мифе сын Кюн-хана, Деб-Йакуй, падает с коня на землю, ломает себе бедро, отчего и умирает [123]. “Моя смерть придет из-под моих копыт”, – говорит солнечному герою Сослану его волшебный конь в нартовском эпосе. “А моя смерть может произойти только из-под моих ног”, – отвечает ему Сослан [124]. В казахском героическом эпосе “Кобланды-батыр” увечье в зрелом возрасте получает волшебный конь Бурыл, случайно коснувшийся земли сразу по рождении.

Это же контрастирующее двуединство прямо противоположных функций заложено в образе мифологического *осла*. Родиной domestikации осла считается Севе-

² Зачастую транскрипцию *мэнью* считают первым письменным упоминанием этнонима *монгол* и самих монголов в этой области [117]. Сам термин *мэнью* – münggür; может иметь отношение к появившемуся значительно позднее *монгол*. Ср.: Мэн-гу-ю-му [118]: “Дада (татары), боровшиеся с Гиньцами (т. е. с чжурчжэньским государством Цзинь), усвоили для своего Дома имя Мэн-гу “серебро”. Но этнически племена *мюнгюр/мюнгюр* и *монгол* не отождествляются. Вопрос о происхождении этнонима *монгол* и названия “золотого рода” Чингиз-хана *кыян/кыят* еще не решен и требует основательного исследования, лишенного эмоциональной предвзятости.

ро-Западная Африка. Мифопоэтический образ осла сложился в Египте в IV тысячелетии до н. э. Здесь осел был одной из форм солнечного божества (в аспекте растущего восходящего солнца), но в то же время он был связан с образом бога чужих стран (Пустыни) Сетом, который в пластике и рисунках изображался с длинным тонким туловищем и головой осла. В этом качестве Сет спасал солнечного бога Ра от дракона Апопа. Но он же стал убийцей божества умирающей и возрождающейся природы Озириса [125]. В древнеегипетской традиции Осел выступал как символ плодородия, с которым сопоставлялось плодородие (многочадие) Женщины-Царицы, произведшей на свет множество детей.

Склонный к убийству Осел считался священным животным в древней Фригии. Мифологический царь Мидас был спутником Матери богов, богини плодородия Кибелы. О нем известен исторический анекдот, рассказанный древним автором. За несправедный суд бог наделил Мидаса ослиными ушами, которые тот был вынужден прятать под фригийской шапочкой. Цирюльник Мидаса, увидев уши и мучаясь тайной, которую под страхом смерти нельзя было разглашать, вырыл ямку в земле и шепнул туда: “У царя Мидаса ослиные уши!”³ – и засыпал ямку. На этом месте вырос тростник и прошептал тайну всему свету [127].

Отступление. Варианты этой легенды имеются в мифологии тюркских и монгольских народов. В бурятском и монгольском преданиях (двух элджигенских, дурбютском и дархатском) Осел-убийца невольно становится *братом* юного брэдобреля, который, будучи не в силах сохранить роковую тайну ослиных ушей, сообщает ее мышинной норке, дереву или камышу, в результате чего она становится всеобщим достоянием [128]. Наиболее полно этот сюжет представлен в кыргызской легенде о происхождении Иссык-куля в записи Ч. Ч. Валиханова. Когда-то давно в том месте, где ныне плещутся волны Иссык-куля, была равнина, на ней – город с колодцем посередине. Здесь правил старый бездетный хан. Горе немощного старика было безутешно, и он обратился к богу Кок-Танры с молитвенной просьбой даровать ему хоть какого-нибудь наследника, пусть он был бы даже ослом. Бог услышал его молитву. Однажды молодая жена хана во время прогулки повстречала красавца осла и показала ему настолько серьезное внимание, что через положенное число месяцев принесла хану младенца-сына. Вняв молитве старика, Всевышний одарил ханского наследника длинной, как труба, “челюстью” и ослиными ушами. Ребенок вырос, а после смерти старика сам стал ханом. Был он умен и справедлив, но его желание скрыть от окружающих свое ослиное происхождение дорого обошлось местным жителям. Каждый раз, когда хану требовалось побрить свою вельможную голову, он призывал нового брэдобреля, так как все предыдущие отправлялись в мир иной сразу по окончании процедуры бритья и навсегда уносили с собой тайну ослиных ушей. Прошло немало лет, было казнено уже много людей, когда жребий пал на одного юношу. Тот быстро и ловко побрил голову повелителя и так ему понравился, что хан сохранил цирюльнику жизнь. Он даже назначил его своим везирем при условии неразглашения вверенной ему тайны. Они подружились и стали *братьями*, ели и пили из одной посуды. Но в безудержной гордыне своим исключительным положением глупый везирь принародно закричал однажды, что у хана ослиные уши. Он был немедленно приговорен к отсечению головы, но спасся поспешным бегством в горы. Скитаясь по горам, изгнанник сильно тосковал по прежнему жи-

³ Полагают, что тюркский термин ešgäk~ešjak~ešak (при закономерном переходе *тюрк.* -š- в *монг.* -l-: eljig, eljigen) «осел» восходит к древнеегипетской форме šk «ослик» [126]. Наличие в тюркских языках этого слова, сходного по форме и значению с древнеегипетским, предполагает его миграцию вместе с обозначаемым животным и связанными с ним атрибутами из древнего переднеазиатского ареала в районы Центральной и Восточной Азии, где, по данным палеозоологии, осел является относительно поздним нововведением.

тью-бытью, по колодцу с золотой крышкой, из которого он когда-то пил сладкую воду. Однажды ночью он тайком пробрался к колодцу, снял крышку и взмолился: “Да пошли же ты кару на этого нечестивца!” Вода столбом до неба стала бить из колодца и в одну ночь затопила всю равнину. Население ушло в другие места, а развалины города до сих пор видны на дне Иссык-куля в ясную погоду [129].

...С признаками такой же бинарной функциональности Осел выступает в древнегреческих и древнеримских ритуалах. В древней Индии он был божеством смерти; в этом качестве древнеиндийский Осел был близок к образу владыки царства умерших предков Йама, а на состязаниях он оказывался даже сильнее Йамы. В древнем Иране интерес к конкретно рассматриваемой области Канкати, связанной с именем Йамы, появился в связи с тем, что, по убеждениям иранцев, именно здесь находилось одно из укреплений (dež) *Канг* популярного среди них эпического героя Сиявуша (*авест.* Сияваршан “Черный муж”). Бируни писал об этой области: “Ямакоти, как упоминают Йакуб [ибн Тарик] и ал-Фазари, находится на таком месте, где в море есть город, называемый Тара (<ср.-перс. tandra, tara “черный” город имени Сиявуша? – Ю. З.). Поскольку *коти* означает “замок”, а *Яма* – это ангел смерти, то это слово навеивает мысль о Канг-дизе, о котором персы рассказывают, будто Кей-каус, или Джам, построил его на самом отдаленном востоке, за морем. Кейхусрау переправился через море в Канг-диз, идя по следам тюрка Афрасиаба, и он же отправился именно туда, где он вел отшельнический образ жизни и покинул свое царство (Канг-диз приходит мне на ум), потому что в персидском языке слово *диз* означает “замок”. Абу Ма’шар ал-Балхи составил свой географический канон, опираясь на Канг-диз как на нулевую долготу, или первый меридиан” [130].

Для этногеографии данного района имеет значение китайский дорожник конца VIII в. с перечислением пунктов на тележном пути из крепости Средний Шоусян в уйгурскую ставку и далее. При династии Тан (618–907 гг.) для противодействия тюркам были построены три города-крепости с таким названием. Они располагались по левому берегу р. Хуанхэ вдоль ее северной излучины. Западный Шоусян – у западного ее угла, Восточный Шоусян – у восточного, а Средний – между ними. Расстояние между ними равнялось примерно 100 км [131]. Путь от Среднего Шоусяна шел на северо-восток через долину горной реки Хуань на северном склоне Большого Хингана. Идентифицировать названия конкретных пунктов на этом огромном по протяженности пути сейчас невозможно. Но примерно на его середине встречаются названия: “...озеро Дадань, [затем] озеро Ема и источник Кэхань...” [132]. Дадань – это транскрипция слова *Татар* [133]. Вероятно, Татарское озеро – это Буй-нор на юге от Далай-нора. Транскрипция С11120, 7903 Ема (<aj-ma) – это озеро *Йама*. Сочетание Кэхань было транскрипцией титула *каган*. Реконструкция: “...Татарское озеро, [затем] озеро Йама (Далай-нор) и Каганский источник...” Учитывая, однако, цитированное известие Бируни о крепости Йама-коти, т. е. Канг-диза (Канкати при слиянии рек Аргунь и Кан у источника Аркуй-булак), можно предположить ошибку в китайском тексте и читать: “Каганское озеро и источник Йама”. В “Шахнаме” туранский владыка Афрасиаб, убивший Сиявуша, пытается спастись от мести за содеянное. Он намерен скрыться в Гангдже, городе убитого им Сиявуша. Путь туда лежит через Далай-нор, названный здесь Зерех-морем, а река Йргунь – Кимак-рекой. За смерть Сиявуша мстит его сын Кей Хосров. Афрасиаб направляет ему послание:

“...Отдам тебе край и венец мой, и стяг,
А сам устремлюсь я за реку Кимак,
В Гангдже далеком засяду, а там
Меня не достать ни тебе, ни бойцам”.

Кей Хосров размышляет: “Одолел наш враг Зерех-море, в Гангдже засел... Все дальше вперед поведу я полки, до самого берега Кимак-реки” [134].

Вернемся к последней детали в кимекском мифе по Бируни – неиссякаемому источнику. Сам по себе он символизирует единство всех вод мира. Водный мотив – неизменный спутник близнечного мифа. Матерью близнецов Йама и Йами была водная богиня Анъя Йоша. В Древней Греции считали, что мать близнецов-диоскуров была дочерью морского бога Главка. Женой речного божества была мать Ромула и Рэма. Дочерью Океана считалась прекрасная Европа, родившая Миноса и Адамантиса Радамантиса [135]. Близнечно-водный мотив является одним из определяющих в нартовском эпосе осетин. В нем рожденные дочерью морского царя Урыз-маг и Хамыц обращаются к матери с вопросами: “Откуда мы, открой! Зачем живем с тобою под водой?” [136]. В сказаниях ульчей на Нижнем Амуре у женщины Водяной тигрицы (Тэму дусэ) родились близнецы, мальчик и девочка. Она бросила их в реку. В водах реки они вырастают как люди, а повзрослев и выйдя на берег, становятся мужем и женой [137]. В каракалпакской поэме “Шарьяр” новорожденных близнецов, брата и сестру, бросают в воду. Они благополучно пребывают в водной среде, подрастают в ней и выходят в мир людей [138].

Такова характеристика взятых вместе и каждого в отдельности фрагментов кимекского генеалогического мифа в изображении на камне у Серебряного источника под городом Канкати на Серебряной горе. Это – обобщенный образ “ангела смерти” Йамы. В древней Индии это владыка царства умерших предков Йама с его сестрой-близнецом, возлюбленной супругой Йами. Их близнецность заключена и в самом имени Йама (*јама*, *авест.* *јѐта* “два близнеца”, “пара”, “двое”). В гимне “Йама и Йами” [139], заботясь о потомстве, Йами пытается склонить брата к incestу и браку. Она призывает в свидетели Небо и Землю, состоящие в браке и в таком же близнечном родстве: “...ведь еще в утробе прародитель сотворил нас двоих супругами!” Они женятся и становятся первопредками человечества. Йама был смертным Первочеловеком, но Йами родилась богиней и поэтому была бессмертна. Пришло время, и Йама умер. Йами весь день пролила слезы. “Как же мне не плакать?! Ведь он умер только сегодня!” – говорила она богам. А в те далекие времена был один сплошной день, ночи еще не было. “Так дело не пойдет, она затопит нас реками своих слез”, – решили боги. И создали ночь. И ночь прошла. Как это и сегодня свойственно многим красавицам, наутро Йами совсем забыла о своем возлюбленном. В индийском эпосе говорится, что под именем Каларатри она вскоре выбрала своим супругом Хети и родила *ракшасов*. Этим грозным и неумолимым созданиям было предназначено охранять первозданные воды [140].

Связь богини Йами (Каларатри) с *ракшасами* имеет непосредственное отношение к теме. В цитированном рассказе Рашид ад-Дина обитатели области оз. Далай-нор и р. Аргунь названы по-монгольски *усуту мангусами* – “речными мангусами”. Центральноазиатский Мангус обнаруживает определенное сходство с образом “замыкающего воды” Вритры в древней Индии и славянского “скотьего бога” Волоса – противника Грозы. Он мыслился как дьявол, черт, водяной, хозяин (бог) реки и соотносился с семизвездием Плеяды/Волосыни [141]. Под влиянием тибетской и индийской мифологий термин мангус стал заменяться на срин-по и *ракшас*. Одной из основных черт последнего было похищение женщин [142].

В древнетюркском генеалогическом мифе сопоставим – династийным (катунским) – было племя ажи, или аштак (<ср.-перс. *azdahak* < *авест.* *azi dahaka* “Змей”, “Змей Огненный”, “Дракон”). Их предками считались Дух моря/озера (Дракон) и его дочь (Драконтина) с этими же именами [143]. Вероятно, термин *ажу* отложился в названии племени караиртышских кимеков (اچلار; в тексте *اچلار*) – “драконы”. В языке урянхайцев он сохранялся в форме *адза* “нечистый дух” [144]. В их историко-гене-

алогическом предании, о котором будет идти речь ниже, речной дракон похищает на берегу Иртыша супругу кимекского правителя и уносит ее под воду. На поверхности воды остался плавать лишь один *волос*, всеобщий отличительный признак дракона вод. Волос говорит правителю человеческим голосом: “Это я, жена твоя Хатун”. И этим открывает главное: она – драконтина. За тысячелетия своего существования в мифологиях многих народов образ Дракона по причине его скрытности и непредсказуемости поступков обрел сугубо негативные очертания. Такого он не заслужил. Изначально Дракон – податель жизни, одна из самых благодетельных фигур в истории человечества. В древнеиндийском мифе царь богов-небожителей Индра в жестоком бою рассекает ваджрой скалу дракона Вритры и выпускает замкнутые в ней воды и златорогих коров (т. е. Солнце). Этот красивый сюжет является мифологизацией соития мужчины и женщины ради рождения ребенка. Здесь дракон Вритра – не враг Индры, а его контрастирующий напарник в акте Творения. Идеологическим центром сюнну Монголии было Драконово капище, рядом с которым жил род императрицы. Забеременевшая царица сюнну идет за благословением к Драконовой запруде на р. Хуанхэ; Дракон в образе припльвишей рыбины предрекает ее ребенку царское будущее. Драконтина в образе волчицы вскармливает новорожденного Первоусуна своим молоком. Она же вскармливает предков тюрков. Приняв образ фалла (ему отрубили руки и ноги), он женится на ней. Уйдя в пещеру предков (это материнское лоно великой Матери-Земли), она рождает десятерых мальчиков, положивших начало десяти тюркским племенам. Согласно другой мифогенеалогической версии, владыкой пещеры тюркских предков был дракон Аштак. Древнему Дракону присущи и многие другие добрые черты. Они проанализированы в обстоятельной работе Я. В. Чеснова (1986). Из приведенных же примеров с определенностью явствует, что Дракон – это обобщенный мифологический образ Женщины – подательницы жизни, богини плодородия и многочадия. В свете сказанного “похищение женщин” Драконом или Водяным выглядит как пополнение его сущности женскими качествами [145].

Итак, Йама был “первым, кто умер”, он был царем мира предков. За многие заслуги, в особенности за справедливое судейство, он был возведен в ранг бога. У него *красные одежды*, а в руках – петля, которую он в положенное время накидывает на каждого живущего. Его владения находятся *на юге*. На границе этих владений стоят два четырехглазых *пса*, определявших дальнейшую судьбу души умершего.

В иранском мире Йама и Йами соответствуют Йима и его близнечная сестра и возлюбленная супруга *Йимак*. Эта пара также считалась первопредками человечества. Йима тоже был смертен. После совершенного им проступка Йима лишился царственной харизмы (фарра), она отлетела от него в виде птицы. Двойственность его образа отражена в сюжете бегства Йимы за Чинское (Китайское) море (оз. Далай-нор), где он был *распилен пополам*. До “царя золотого века” Йимы в древнем Иране мифологической эпохи господствовал Йама, обладавший многими чертами своего древнеиндийского тезки.

Он и отмечен на территории Внутренней Монголии под именем Йама-каган (*тиб.* *Ža-ma-kha-gan*). Создается впечатление, что в уйгуро-тибетском документе; № 1283 из тибетского фонда П. Пельо другим его именем было Кара канглыг (*тиб.* *Ga-ra-kañ-lig*, ср.: *Kang-dih*) и еще одним – Йама-мюнгюн “Йама Серебряный” (*тиб.* *Ža-ma-mo-ñan*). Это позволяет локализовать его обитание в Канге страны Серебряной. Он не подчинялся законам смерти, поэтому у него не было ни гробницы, ни захоронения (т. е. он был богом). Солнечный (т. е. южный) склон его долины был таким же, как и у других государей. У него была веревка, на которой он намеревался *повесить* собаку. Его представляли два путника и *девушка*.

Идея *парности* присутствует в рассказе о йемеках в персидском варианте “Огузнаме”: “После того, как Диб-Явкуй-хан несколько лет пробыл падишахом, с ним

стал враждовать Ад.н.и.к.мам (Лактан?), и жители этой страны вышли из повиновения. Вилайет этот находился в восточной стороне, и назывался он Йемекан (Йемеки). Это были люди такой недюжинной силы, что *двух* их мужчин можно было выставить против десятерых мужчин из других племен” [146]. В историко-генеалогическом предании иртышских кимеков по сочинению “Зайн ал.ахбар” Гардизи их история начинается с борьбы *двух* братьев, которые, вероятно, и дали начало племенам *ими* и *имек* (ср.: Йима и Йимак). Сама рифмованность этих названий с несомненностью указывает на их родство. Младшего звали Шадом. Рядом с ним неотлучен третий персонаж, канизак, “любимая молодая *служанка*”, которая активно действует *вместе* с Шадом, а в ключевом моменте заменяет его. Не Шад, но канизак приказывает семи пришлым кимекским племенам остановиться на берегах Иртыша. Не в одиночку, а *вместе* с канизак Шад выполняет мужскую работу – охотится на зверя. Когда обнаруживается, что канизак – это драконтина, его жена Хатун, плавающая в виде волоса на поверхности воды, Шад, не побоявшись дракона, сам входит в воду и берет этот волос, то есть приобщается к образу драконтины. Оба они как одно лицо. Шад – не совсем брат; скорее, это сестра-супруга в мужском облике. Иными словами, в мифологическом подтексте исторического рассказа о братьях Ими и Имек скрывается еще не забытое представление о Йиме и его сестре-супруге Йимак. Отголоски этого *явления* можно услышать в сообщении “Истории Северных династий”, что в Персии “женятся на родных сестрах” [147].

Завершая экскурс о восточном крыле каганата Се-яньто, напомним сообщение арабского автора “Словаря стран” Якута (1179–1229 гг.) В нем мифологический царь тюрков-кимеков вручает сыну лук и стрелы. Он изгоняет его из своего дома и отправляет в чужие края [148].

6. ВЗЛЕТ И ПАДЕНИЕ

Ынан получил каганский трон и инвеституру на имя Йенчу Бильге во многом благодаря военной поддержке и дипломатии Танского двора и до конца своих дней (645 г.) оставался верен благодетелю. В документах не отмечены его военные действия в южном направлении. Коротко упоминаются лишь его даннические и политические посольства в Чаньань в 630, 631, 632 (трижды), 635, 637, 638, 639 гг. [149]. В других направлениях военная экспансия нового каганата была активна. В 629 г. предводитель се-яньто возглавил восстание огузских племен против тюркского (ашинского) господства. Восставшие разгромили огромную армию ашинца Южук-шада. Дольше других сопротивление им оказывали конники ашинца по имени Шад, расширяющий [границы государства]” (*кит.* С1787, 10496 То-шэ). Сын Чора-кагана с остатками своих отрядов бежал на запад и стал базироваться в Кэхань-футу под Бешбельком. Собрав значительное войско, он через два года сумел обманном путем захватить половину территории и населения Западнотюркского каганата. Но чувство мести не покидало его, и вскоре он опять двинул конницу в Северную Монголию, но снова потерпел жестокое поражение. В источниках он больше известен под именем Дубу-каган и Ашина-Шээр [150].

С первых до последних дней недолгой жизни каганата Се-яньто постоянной противодействующей ему силой оставалась группа тюркских племен под предводительством ашинца С4297, 4508 Цзюйби (<kjoo-b'ji<*qobi) – Кобы, сына Шиби-кагана и родственника Эль-кагана. Информация о начале его политической жизни в Старой и Новой редакциях “Истории династии Тан” различна. Автор Старой редакции, следуя тексту “Общего уложения” [151], сообщает: “Цзюйби-каган был из отдельного племени тюрков, тоже из рода ашина. Он наследственно был малым каганом, его орда-ставка находилась в северной части Золотых гор (Алтая). После поражения

Эль-кагана племена Северной пустоши хотели поставить его *верховным* (кит. ца “большой”, “великий”) каганом. Но [верховным] каганом стал [предводитель] се-яньто, и Кобы уже не мог быть им; вместе со своим племенем он покорился [предводителю] [се]-яньто. Он был отважен и дальновиден, народ охотно повиновался ему. Это приводило в ярость [предводителя] [се]-яньто, который задумал убить его. Кобы тайно узнал его план и укрылся в прежнем местожительстве [тюрк]. Та страна лежит в 10 тысячах ли от столицы [Срединного государства, т. е. от Чанъань]. У него было 30 тысяч боееспособного войска. Он объявил себя Ич Кобы-каганом (кит. Ичжу Цзюйби). Карлуки на западе, кыргызы (цзегу) на севере — все они подчинились ему”.

Протицируем текст по Новой редакции: “Кобы также был из рода ашина в составе племени Тули-[кагана]. Его имя Хубо; он был наследственно малым каганом. После поражения Эль-кагана племена хотели поставить его общим государем (гун цзюнь-чжан) над ними. Но к этому времени [предводитель] се-яньто уже получил титул [верховного] кагана, и [Кобы] подчинился ему. По характеру он был спокойным и решительным, умным и прозорливым; народ был весьма ему предан. Это и представляло опасность для [предводителя] [се]-яньто, который решил убить [Кобы]. Поэтому [Кобы] бежал со своим народом. Их преследовали по пятам несколько тысяч конников, но безрезультатно. Он скрылся в северной части Золотых гор (т. е. Алтай), где горы с трех сторон состоят из отвесных утесов, и лишь с одной стороны можно проехать экипажу или коннику. Там земли плодородные, ровные и широкие. Он занял их и объявил себя Ич Кобы-каганом. Те земли отстоят на 10 тыс. ли от Чанъань. На западе карлуки, на севере кыргызы — он покорил обоих. Он часто выходил (за пределы своей страны), похищал людей и скот у [се]-яньто”.

В сообщении Старой редакции важным является указание, что борьба шла за обладание верховной властью в Степи. Слова о переселении тюрк Кобы-кагана “на прежние земли” развернуты в Новой редакции: “...где горы с трех сторон состоят из отвесных утесов, и лишь с одной стороны можно проехать экипажу или коннику. Там земли плодородные, ровные и широкие”. Речь идет о “пещере предков”, как она рисуется в “Истории династии Чжоу, 557–581 гг.”. “В горах есть пещера, а в пещере равнина, поросшая густой травой на несколько сот ли в окружности. Со всех четырех сторон пещеры стоят горы. Здесь укрылась волчица и родила десятирх сыновей, которые, пришед в возраст, пережились, и все имели детей...” [152]. Местожительством Кобы-кагана “в северной части Золотых гор” считают долину р. Кобдо [153]. Этот ориентир (независимо от реальной или гипотетически реконструированной его локализации) не был постоянным: до откочевки на Алтай племена Кобы-кагана входили в состав улуса Тули-кагана в юго-восточной части современной Монголии. После падения каганата Се-яньто они проделали обратный путь и остановились на северных склонах Иньшаня, к югу от Гоби.

Верный традиционной политике “руками варваров уничтожить варваров” танский двор всячески поддерживал военные действия се-яньто, направленные на уничтожение Первого тюркского каганата, и выступал их союзником. По мере усиления нового государства танский двор постепенно менял позицию, из союзника превращался в противника, а вчерашний враг (тюрки-ашина) становился его помощником в противостоянии новому государству. В 639 г. на базе кочевавших в Ордосе тюркских племен, подчинившихся в 630 г., двор создает марионеточный каганат во главе с любимцем императора *тюрком-ашином* Ерми-Низук-Ильбиром (кит. Ими-Нишу-Илиби), получившем китайское имя Ли Сымо. Это наемное образование было призвано стать барьером между бывшими союзниками через два года (641 г.). Для усиления и активизации военного противодействия отрядам се-яньто “каганат” был перемещен на левобережье северной излучины р. Хуанхэ и

на северные склоны Иньшаня. Но результат оказался обратным: значительная часть его тюркского населения ушла к се-яньто. Через три года (644 г.) лишенный человеческого ресурса “каганат” распался, а Ли Сымо был включен в корпус телохранителей танского императора [154].

Через всю историю “самого сильного” среди огузов, ставшего династийным, племени се-яньто⁴ красной нитью проходит постоянная ожесточенная борьба с династийным племенем восточных и западных тюрк ашина. Короткие паузы были лишь подготовкой к ее продолжению. При таком противостоянии не могло возникнуть мысли ни о союзе, ни о сопротивлении каким-либо племенным объединениям или государствам. Встречаемое в летописи сочетание *туцзюе яньто* [157] — это не *тюрки* и *яньто*, а яньто в составе разноплеменного Тюркского каганата. Таковым же было огузское по происхождению племя эдиз (кит. аде, седе, аэде), часть которого входила в состав Второго тюркского каганата и называлась туцзюе-седе “тюркские эдизы” [158]. С принятием манихейства они стали называться арслан-эдизами (кит. асилань седе) и аштаками (кит. ашидэ). Они составляли катунскую/царицынскую фракцию в династийной коалиции Второго тюркского каганата. В тексте стелы предводителя этой фракции канцлера Тоньюкука (стк. 3 и др.) они названы тюрк-шер “тюркские шеры”, но не “тюрки и шеры”, так как существовали и другие шеры, например, шер-карлуки (кит. ши-гэлолу) [159], или арслан-карлуки [160]⁵.

С освобождением се-яньто от западнотюркской зависимости, их откочевкой на восток и созданием каганата Се-яньто западные каганы лишились важного источника поступления дани, о которой говорилось выше. Надеясь вернуть утраченное, Сир-йабгу-каган (кит. С4224, 8908, 10308 сы е-ху <si jər-yuo) в конце 631 г. предпринимает большой поход на се-яньто. Познавшее вкус победы войско только что созданного каганата наголову разбило пришельцев [161]. В оценке этого события учтем одну деталь. Титул побежденного кагана был Сир-йабгу. Так же был титулован первый каган западных тюрк Эштеми⁶, который командовал десятью великими предводителями и имел стотысячное войско. Он полностью усмирил варварские государства Западного края, и сам объявил себя каганом, а свои племена назвал “десятью фамилиями” [164]. Носителем этого титула стал и Барчак, присвоивший себе и имя Аштамы⁷. Принятие огузским властителем титула имени одного из основателей тюркской государственности объясняется не только честолюбием. Это первая попытка создать новый генеалогический миф, обосновывающий имперские замыслы каганов се-яньто.

⁴ Его непосредственно каганским родом был С1, 4873, 1652 Илидо (<jet-lji-tuət<*el-tut) — *Эль-тут, буквально: «держи государство»; его русской калькой было имя Держикрай [155]. Возможно, транскрипционным вариантом сочетания el-tut был С14035, 1652 се-до (<jet-tuət<*el-tut) — эль-тут (в составе титула тэнгри *эль-тутмыш-алп-кюлог...*). Летописец поясняет, что сочетание *се-до* (*эль-тут*) — то же, что исполнение ритуала С250, 10806 “шэ-цзи” (“жертвенник и просо”) как символа жертвоприношения хлебных злаков богам-защитникам страны [156].

⁵ В манихейской религиозной доктрине земной человек обладает тройственной природой — смертной телесной плотью, светлой душой и духом Мрака, темного начала. В нем частицы Света находятся в плену у сил Мрака, царь которого — Дракон (ср.-перс. *Azdahak*, тюрк. *Astaq*) с головой Льва (ср.-перс. *šer/šir*, тюрк. *arслан*). Человек подобен двуногим демонам мира Дыма (это антипод Воздуха), первой из пяти стихий Мрака; иногда даже говорили, что человек сотворен князьями Дыма.

⁶ О нем см.: Chavannes [162] и др. Попыты анализа термина [163].

⁷ *Kum.* С6336, 7029, 6630 Шадоми (<sa-tā-mjie-šatami<*aštami) — Аштамы, ср.-тох. *Aštami*, санскр. *Aštami* “восьмой день полумесяца” [165]. Вероятно, этот термин относится к буддийскому слою в восточном манихействе. В турфанских манихейских текстах сам Мани назван “Мани-Буддой”, “Буддой Света”, “богом Будда”, “несравненным и совершенным

В известии Зимы 637 г. сообщается о прибытии в танскую столицу Барчака, названного Тарду-шадом, селиби [167]. Слово C14035, 4873, 14824 селиби (<çiet-lji-b'jët < *jelber) – йельбир здесь не имя. Йельбир – так называлась особая сверхъестественная сила, благодаря которой шаман получает свой профессиональный дар, магическая и сакральная сила совокупности духов-помощников шамана, сосредоточенная в его личности, сущностный образ шамана. Зачастую правитель племенного объединения или каганата был одновременно и шаманом-йелбир, йельби. Обнаруженный в контексте истории се-яньто термин йельбир можно считать одним из многочисленных случаев, когда он включался в общий титул того или иного древнетюркского правителя. Шаманский ритуал мирно уживался с манихейством, принятым верхушкой се-яньто. Об этом можно судить по каганскому титулу Йенчу-Бильге. Слово jenvci значит “жемчуг”. Он был эталоном света и чистоты, к которым стремится душа праведного манихея. Слово bilga значит “мудрый”, “мудрец” (bilga bilig – “мудрость”, “познание высшей истины”). Это вечное неотъемлемое качество, присущее светлым сущностям, знание истинного учения (т. е. учения Мани). Первое, что совершает грех, войдя в душу человека, – отбирает у него мудрость. Насколько можно судить по письменным источникам, в титулатуре тюркских савновников таких манихейских терминов не было до 629 г., когда Ынан-эркин принял каганство. Об этом свидетельствует и существование тюрко-манихейского термина *аштак*, ставшего названием особого племени в каганате. В “Танском обозрении” приведена тамга племени яньто в виде круга полной луны [168]. В манихейской обрядности Луна занимает важное место. Здесь находится жилище богов-очистителей Души живой. В ней души праведников очищаются от всего материального. Это первые врата жизни. Характерной и отличительной особенностью археологического памятника Унгету в Северной Монголии, приписываемого Йенчу-Бильге-кагану, являются гранитные изваяния людей с согнутыми в локтях и скрещенными на груди руками (рис. 1), с ними сходны лепные человеческие фигурки на астодане из Тараза (рис. 2) и в сцене из жизни манихейского монастыря на терракотовом фрагменте из Тараза (рис. 3) [169]. Особенность и причина живучести манихейства заключались в том, что оно воспринимало в свою доктрину все рациональное из местных культов. У тюрков восточной части Центральной Азии оно стало частью шаманской обрядности. Тюркское манихейство надело шаманские одежды. Внешним проявлением этого специфического процесса стала появившаяся шамано-манихейская смешанность в титулах тюркских правителей. В составе одного титула могли быть шаманские термины йельбир, йельби рядом с манихейскими йенчу “жемчуг” и турук (*turuc*) “чистый”. Два одновременных западнотюркских правителя имели одинаковое имя-титул Йельби-Турук. Сыном Ару-кагана (*кит.* Хэлу) в Западнотюркском каганате был Йельбир-тарду, получивший при интронизации имя Йенчу-йабгу-каган. В каганате Се-яньто Тарду-шад-йельбир был сыном Йенчу-Бильге-кагана.

С самого начала взаимоотношения каганата и государства Тан были равноправными. Этот союз был направлен на уничтожение Восточнотюркского государства. С его падением, перемещением целого ряда покоренных тюркских племен в Ордос,

Буддой”. Вместе с проникновением части буддийского ритуала или его обозначения в него проникла и буддийская лексика (тохарская, санскритская, среднеперсидская и согдийская). Возможно, это относится и к важному буддийскому монашескому обряду исповеди и очищения, регулярно проводившемуся в *восьмой* (Aštami) и четырнадцатый дни каждого полумесяца. В восточном манихействе aštami могло быть обозначением обряда покаяния, о котором в тюркском тексте молитвы “Хуастуанифт” говорится: “В каждый день бога Луны (Асмуссен: every Monday), чтобы освободиться от грехов наших и пороков наших перед богом, исповедь и перед чистыми священнослужителями, нужно было каяться” [166].

их переводом на танскую военную службу, казалось бы, исчезла сама основа такого союза: цель была достигнута и себя исчерпала. Но опасность витала в воздухе, она коренилась теперь в усилении каганата Се-яньто, властитель которого, считавший себя равным Сыну Неба, не совершал поклонения даже перед посланниками послед-

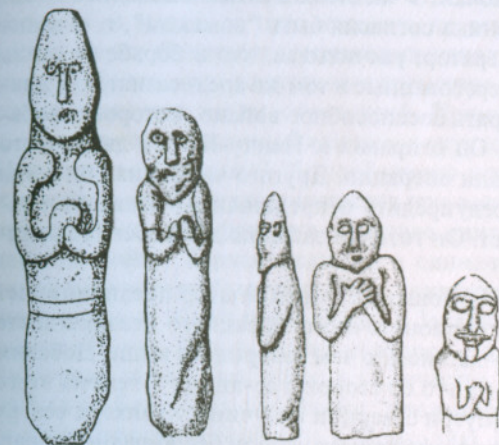

Рис. 1

Рис. 2

Рис. 3

него. Союз все еще был нужен, но теперь и для сдерживания возрастающей экспансионистской имперской идеологии в усилившемся каганате Се-яньто. Согласно степному обычному праву, се-яньто не могли первыми вторгаться на чужие территории без согласия союзника, т. е. получить наибольшие трофеи. Объектом их вождельней был богатый Гаочан, еще недавно плативший верхушке се-яньто роскошную дань.

К 639 г. он находился под опекой западнотюркских каганов. Им покорились оазисные государства Иу (Хами) и Яньци (Карашар). Уже несколько лет следующие по этой трассе Шелкового пути купеческие караваны из стран Запада навсегда останавливались в Гаочане. Такая же судьба ожидала купцов-караванщиков из Тан на запад. Перестал функционировать важнейший участок пути, и в Тан началась подготовка к карательной военной экспедиции в Гаочан. Участвовать в ней вызвались и се-яньто. Йенчу-Бильге спрашивал у союзника согласия быть “вожаком”, т. е. авангардом (и первым войти в Гаочан). Император, рассчитывая, что в борьбе за столь лакомый кусок западнотюркские и заинтересованные в том же среднеазиатские владетели за ценой не постоют и сумеют собрать боеспособное войско, которое разобьет отряды се-яньто, дал на это согласие. Он отправил к Йенчу-Бильге дворцового представителя якобы обсудить с ним детали операции. Другого чиновника он тогда же послал в Гаочан заблаговременно предупредить о предстоящем нападении се-яньто, которых он вроде бы даже осуждает. Он готовил западню для своего союзника [170].

Не объявляя о разрыве союзнических отношений, танский двор предпринимает шаги к созданию на территории Ордоса марионеточного тюркского квазикаганата во главе с ашинцем Ерми-низук-йельбир-каганом, о чем говорилось выше. Добавим к сказанному несколько слов о реакции на это со стороны се-яньто. Племена этого квазикаганата располагались на землях внутри северной излучины Хуанхэ, к северу от р. Бодао⁸. В победителях (се-яньто) они по-прежнему видели беспощадного врага и поэтому не осмеливались даже показываться за укрепленной линией. Они не оправдывали своего назначения, и в дело активно вмешался танский двор. Император отправил к Йенчу-Бильге сановника с грамотой, содержащей прямую вооруженную угрозу и ограничивающей южные пределы кагана северным краем Гоби [172], помещенный на тех же страницах обеих редакций “Истории династии Тан”. Ответ кагана приведем в переводе Н. Я. Бичурина: “Сын Неба указал нам не нападать друг на друга. Я с поклоном принимаю указ его. Но тюрки народ пьяный, беспокойный и непостоянный. Они, пока не погибли, резали жителей Срединного государства, как коноплю. Императору, по уничтожению царства их, надлежало бы взять племена их в неволю, чтоб вознаградить потерю подданных Дома Тхан, но их содержали, как сыновей... Очень ясно, что невозможно верить им. Впоследствии, если они произведут возмущение, пусть император позволит мне *истребить их*” [173].

С точки зрения династий каганата Се-яньто, победа над Восточнотюркским каганатом во главе с племенем ашина не может считаться окончательной, если в Ордосе существует тюркский каганат, возглавляемый представителями того же племени. В 641 г. он был перемещен на левобережье Хуанхэ. Этот акт двора был встречен се-яньто с молчаливой неприязнью, которая сменилась другими чувствами при известии, что император с большой свитой и частью армии, включая пограничные отряды, отправился на жертвоприношения у горы Тайшань в Шаньдуне. Граница была оголена, перемещенный каганат остался без танской защиты. Объединенная двухсоттысячная огузская армия, в которую входили соединения из племен тонгра, бокут, уйгур, а также мохэ, си и др. под командованием Барчака немедленно двинулась на юг. Ерми-низук-йельбир укрылся за Великой стеной, но навстречу войскам се-яньто уже шли соединения из соседних гарнизонов. Многочисленные сражения кочевников с тюркскими и танскими отрядами завершились зимой 641 г. битвой на берегу р. Ночжэнь в 400 ли к северо-западу от старого города Юньчжун. При описа-

⁸ Река Бодао (иначе — Хэйхэ и Манган-шуй) протекала в Бодао к северу от г. Гуйхуа-чэн (ныне Гуйшуй-сянь) в бывшей провинции Суйюань, КНР [171].

нии этой битвы хронисты подчеркивают, что се-яньто не знали конного боя, они сражались пехотой и всегда выходили победителями. На этот раз испытанный способ ведения боя не помог: се-яньто потеряли полное поражение [174]. Как отметил лучший знаток китайских текстов о тюрках Се Цзунчжэнь, это было начало падения каганата Се-яньто [175]. Йенчу-Бильге извинился за свершившееся и просил императора об установлении брачных отношений с императорским двором. Тай-цзун согласился выдать за него царевну, но вскоре отменил свое решение. Отношения между двумя бывшими союзниками накалялись с каждым днем. Но в 645 г. Йенчу умер, и оба его сына воспользовались этим случаем для окончательного разрешения своих натянутых взаимоотношений. Прямо на похоронах отца Барчак убил Йемека и объявил себя верховным каганом с титулом Эль-Курши-Сер-Аштамы (кит. Сели-Цзюйлиши-се-шадом). По сообщению летописца, он казнил многих вельмож, служивших на ордынских должностях при покойном. Без сомнения, это были представители йемекской фракции в составе династии. В результате разразившейся гражданской войны Барчак оказался в одиночестве, с горсткой сторонников бежал к аштакам и вскоре был убит. Был уничтожен и каганский род государства, а народ численностью 50–60 тысяч бежал в Западный край [176]. Далее говорится, что другой сын Йенчу-Бильге (также от второй его жены из йемекской фракции?) по имени Думочжин повел свой народ в количестве 70 тысяч на запад, на “прежние земли”, но был разбит в Утекене. Этими “прежними землями” были берега Иртыша, откуда се-яньто начинали свой путь в Монголию. Носителями этногосударственной традиции каганата Се-яньто теперь выступают йемеки/кимеки. Называя их се-яньто, источник сообщает, что в 648 г. они сражались с танскими отрядами на Алтае.

7. ПРОДОЛЖЕНИЕ ИСТОРИИ

По редчайшей случайности непосредственное продолжение истории каганата Се-яньто, представленного его йемекским (восточным) крылом, находим в труде персидского автора XI в. Гардизи “Украшение известий”. В рассказе о кимеках Гардизи восходит к соответствующему разделу в сочинении основателя арабской научной прозы, перса по происхождению, Ибн ал-Мукаффы (720–737 гг.) “Четвертая часть мира”, давно утраченному. Уже в VIII в. начали переводить значительную часть шедевров мировой литературы с персидского языка на арабский. Справедливо или нет, но все писатели персидского происхождения, принявшие ислам, обвинялись в манихейских симпатиях. Уважаемого ученого и переводчика Ибн ал-Мукаффу ожидал ужасный конец: правитель провинции, который был его личным врагом, приказал сжечь его после страшных пыток [178]. Персидский источник, которым для арабского перевода воспользовался Ибн ал-Мукаффа, был написан во второй половине VII в., вскоре после прихода кимеков в долину Черного Иртыша, в прежнее местожительство се-яньто. Это исторический рассказ, одетый в форму близнечного мифа, в котором вместо близнецов Йимы и Йимак ясно действуют два брата Ими и Имек. Их имена заложены в названиях первых двух кимекских племен, что уже было отмечено в научной литературе.

Прямым наследием каганата можно считать социальную номенклатуру иртышских кимеков.

1. *Шад*. “Сыновей и младших братьев [кагана], ведающих военными делами, тюрки называют шад” [179]. По определению современных ученых, *шад* — “предводитель войска”, *sū bašī* [180]. Этот титул носили оба сына Ынан-кагана, Барчак и Йемек. В рассказе Гардизи Шад — имя главного героя кимекского предания.

2. *Тутук*. О внедрении этого титула в тюркскую среду говорится в Новой редакции: “С той поры, когда император Тай-цзун (626–649 гг.) усмирил туцзое-тюрков

(630 г.), вассалов (фань) на северо-западе, а также варваров (мань-и) на юго-востоке, все они мало-помалу (шао-шао) покорились. Тогда у этих племен стали учреждать округа (чжоу) и уезды (сянь). Для больших племен создавали управления дуду (дуду-фу). Предводителей этих племен назначали военными управителями — дуду, а гражданскими управителями были *цыши*. Эти должности передавались по наследству” [181]. В Китае этот термин был введен в 222 г. и означал контроль над военными делами одного или нескольких округов. Впоследствии он стал анахронизмом, но с 624 г. обрел хождение снова [182]. В кочевом обществе обладание этим титулом означало особый вес и значительность его носителя. В XIII в. большим уважением среди татарских племен пользовалось племя тутуклы’ут татар [183]. Окончание *-ут* — это монгольский формант множественного числа. Компонент *-лы* — тюркский аффикс обладания, присоединенный к исходной основе. Слово *тутуклы* значит “имеющие [своим военноуправителем] тутука”. Как отмечалось выше, после падения каганата племена се-яньто составили Дахунь дуду-фу “военноуправление тархун-тутука”. Термин С3498, 2777 дуду (<tuo-tuok) отложился в разноязычных документах: *сод.* tōttk, tōtōk'n, *хот.-сак.* tūtū, ttättähä, ttättäht, *туб.* to-tog [184]. На тюркской языковой почве он народно-этимологически воспринимался как производный от глагола *tut* — “держать”, “хватать”. В кимекском предании Шад “вошел в воду и схватил волос”. После этого “Шаду дали прозвание *тутук*”. Этот эпизод позволяет четко определить тюркское звучание слова *тутук*.

3. *Йабгу*. В ханьской иероглифической записи С5651, 8697 сихоу (<*xiər-g'u<jabγu) этот термин впервые отмечен в составе титула второго лица в создаваемом государстве Асман (*кит.* Усунь), представителя царицынской юэчжийской фракции в составе правящей династии Буцзю-сихоу в первой половине II в. до н. э. В 11 г. до н. э. в ханьском плену оказался сюнну-подданный юэчжиец, занимавший у сюнну должность “канцлера” (сян) и имевший титул сихоу (йабгу). Через четыре года он сумел вернуться. Шаньюю сохранил ему титул и должность “второго [после шаньюя] лица в государстве” [185]. Ф. Хирт, впервые установивший соотношение транскрипции и реального термина, сопоставил последний с титулом *javγō* на юэчжи-кушанских монетах из Кабулистана [186]. Как полагают, слово *yavγa* объяснимо из иранских языков; оно восходит к *yam* и означает буквально “ведущий” [197]. Среднекитайской записью термина *йабгу* было С8908, 10308 *еху* (<jar-yuo<jabγu). Иногда носитель этого титула был вторым после кагана лицом в государстве, что следует, например, из победных слов в древнетюркской надписи: *qayānīn jabγu sin adin anta älürtüm* — “Я там убил их кагана, йабгу и шада” [187]. Во главе Западнотюркского каганата были йабгу-каганы. Йабгу были предводителями объединений кочевых племен (например, карлукское — на юго-западе от Алтая, огузское — на Нижней Сыр-дарье) предгосударственного уровня. Титул сир-йабгу (*кит.* сы-еху) носил Тарду-шад Барчак, глава западного крыла каганата Се-яньто.

После изложения кимекского предания в тексте Гардизи следуют более поздние по времени дорожник в страну кимеков и ее описание. Оно заканчивается словами: “Их глава (ра’ис) носит титул *йемек-йабгу”.

...Еще одно замечание. В истории государства Се-яньто кровавый конфликт между братьями произошел сразу после смерти их отца Йенчу Бильге-кагана. Барчак убил своего старшего брата Йемека, шада восточного крыла. Он предал казни многих (йемекских) вельмож, служивших при орде-ставке отца, заменив их своими родоовичами. “Сановники потеряли покой”. Видимо, этим и объясняется бегство йемеков-ордынцев на Иртыш. В угоду правилам близнечного мифа беглецом становится, по

приводимому ниже преданию, сам младший брат, лишь покушавшийся на жизнь старшего. Массовое перемещение йемекских племен, названных “урожденными татарами” (мувалладан татаран), произошло через несколько лет, после окончательного разгрома каганата. Они ушли под защиту западнотюркского кагана. Уже в 656 г. летопись сообщает, что зятем западнотюркского Ару-кагана, орда-ставка которого была тогда на берегу р. Талас (приток Синего Иртыша), был С5714, 10167 янь-чо (<jam-tsuär<jam-čog) [189]. *Чор* — распространенный тюркский титул. Термин Йам (Джам) — это Йама [190]. Из долины р. Аргунь во Внутренней Монголии культ Йамы пришел на берега Иртыша. Он существовал здесь долго под именами Нама (~Йама) и Йиме (в сочетании Шал-Йиме, где *Шал* — тибетское заимствование, означающее “владыка усопших”). В одной из алтайских притч в записи В. В. Радлова излагается просьба к Шал-Йиме взять под свою защиту тех, кто употребляет хмельные напитки, а также малых детей, жеребят, телят и ягнят, усопших. “Таким образом, — пишет финский ученый У. Харва, — Шал-Йиме — это ангел-хранитель (дух-покровитель) не только усопших, но и малых детей” [191].

Прочитываем текст предания в русском переводе В. В. Бартольда. “Происхождение *кимаков* таково. Начальник татар умер и оставил двух сыновей; старший сын завладел царством, младший стал завидовать старшему брату; имя младшего было Шад. Он сделал покушение на жизнь старшего брата, но неудачно; боясь за себя, он, взяв с собой рабыню-любовницу (канизак), убежал от брата и прибыл в такое место, где была большая река, много деревьев и обилие дичи; там он поставил шатер и расположился. Каждый день этот человек и рабыня вдвоем выходили на охоту, питались мясом дичи и делали себе одежду из меха соболей, белок и горностаев. После этого к ним пришли семь человек из родственников-татар: Ими, Имек, Таттар, Баяндер, Кипчак, Ланиказ (?) и Аджлад (?). Эти люди пасти табуны своих господ; в тех местах, где [прежде] были табуны, не осталось пастбищ; ища травы, они пришли в ту сторону, где находился Шад. Увидев их, рабыня вышла и сказала: “Иртыш”, т. е. “остановись”; отсюда река получила название Иртыш. Увидев ту рабыню, все остановились и разбили шатры. Шад, вернувшись, принес с собой большую добычу с охоты и угостил их; они остались там до зимы, когда выпал снег, они не могли вернуться назад; травы там было много, и всю зиму они провели там. Когда земля разукрасилась и снег растаял, они послали одного человека в татарский лагерь, чтобы он принес известие о том племени. Тот, пришедши туда, увидел, что вся местность опустошена и лишена населения: пришел враг, ограбил и перебил весь народ. Остатки племени спустились к этому человеку с гор; он рассказал своим друзьям о положении Шада; все они направились к Иртышу. Прибыв туда, они приветствовали Шада, как своего начальника, и стали оказывать ему почет. Другие люди, услышав эту весть, тоже стали приходить [сюда]; собрались 700 человек. Долгое время они оставались на службе у Шада; потом, когда они размножились, они рассеялись по горам и образовали семь племен, по имени названных семи человек. Все эти кимаки отличаются злым нравом, скупостью и негостеприимством.

Шад однажды стоял на берегу Иртыша со своим народом; послышался голос: “Шад, видел ли ты меня в воде?” Шад ничего не увидел, кроме волоса, плавающего на поверхности воды; он привязал лошадь, вошел в воду и схватил волос; оказалось, что это была его жена Хатун. Он спросил ее: “Как ты упала?” Она ответила: “Крокодил (неханг; речной дракон. — Ю. З.) схватил меня с берега реки”. (Кимаки оказывают уважение этой реке, почитают ее, поклоняются ей и говорят: “Река — бог кимаков”). Шаду дали прозвание Тутук...” [192].

Отголоски этого мифа сохранялись на Алтае вплоть до нового времени. Аналогичный сюжет записан в конце XVIII в. П. С. Палласом в селении Наушир неподалеку от р. Июс. “Татары, которые живут в сем месте, — писал Паллас, — не призна-

⁹ Ср.: Martinez [188]: “(y)in-al yabg-u” (or “in-al-bayg-u” pro. Bem-al-big-u).

ют народ, от которого они происходят, своими предками. Они рассказывают, что в сей стране два брата жили, из коих один со своим народом много золота и серебра из гор вырыл. Другой же был богаче народом и скотом. Последний столь часто отнимал найденные первым сокровища и его беспокоил, что он напоследок прибегнул просить помощь к китайскому владетелю, который ему и его народу дал землю, к востоку лежащую" [193].

Память о Серебряной стране (Кумуш) и укреплении Канг-деж отложилась на Алтае в названии Кумышской волости и жившего в алтайского сеока кондош. Согласно одной из переписей XIX в., в Кузнецком округе существовала Кумышская волость, иначе называвшаяся Кондошской. О сеоке кондош бытовало предание. "Одна девушка из сеока кондош родила ребенка, отца которого назвать затруднялась. Ребенку дали имя сеока матери" [194].

Имеется немало подобных фольклорных свидетельств (например, образ ябака-йемека на голодной пегой лошади на Алтае как память о Серебряной стране на Аргуни, где лошади все пегие, и др.).

* * *

История каганата Се-яньто уже рассматривалась в ряде исследований с разных позиций и целевых установок [195]. В данной статье предложен опыт ее, главным образом, этногеографической интерпретации. Выяснилось, что племя се-яньто, местожительством которого в конце VI в. были берега Черного Иртыша, вместе с кибирами создали огузское государство Центральной Азии, данниками которого были оазисные государства Гаочан, Иу (Хами) и Яньци (Карашар). Оно существовало недолго (605–610 гг.) и находилось в вассальной зависимости от западнотюркских каганов. Стремясь освободиться от нее, се-яньто, известные также под названием йети эрен, в количестве 70 тысяч человек перемещаются на берега р. Тола в Северной Монголии. После ряда убедительных побед над войсками Восточнотюркского государства предводитель се-яньто Ынан-эркин в 628 г. получает звание Йенчу-Бильге-каган, а в 630 г. переносит свою ставку-орду в Утекенские горы (Хангай) и становится хозяином всех земель и племен, прежде находившихся под рукой восточнотюркского кагана. Это второе огузское государство в истории Центральной Азии пространственно было организовано по триальной системе, оно делилось на два крыла и центр в Утекене. Предводителем западного крыла (тардуш) был сын кагана от его главной жены Барчак; предводителем восточного крыла (толиш) был сын от второй жены Йемек, старший брат Барчака. Оба были военными управителями – шадами, но идеологический и социальный их статусы были неодинаковы. Соперничество и взаимная неприязнь братьев стали едва ли не самыми характерными чертами истории государства и в конечном счете явились одной из причин его гибели. Улус Йемека располагался к востоку от Утеке, вокруг озера-моря Кюлюн (Далай-нор) и по берегам р. Аргунь. Его составляли татаро-огузские племена йемеков/кимеков. В принципе, это важное заключение не ново. Доводы в его пользу привел С. М. Ахинжанов [196]. В значительной мере они основательны, без их учета дальнейшее обсуждение вопроса будет непродуктивным. Пишущий эти строки надеется, что найдется место и для нового материала письменных источников, приведенного в настоящей статье.

Смерть верховного правителя Йенчу-Бильге-кагана (645 г.), сохранявшего баланс противоборствующих сил, и поиски нового верховного кагана привели к кровавой развязке затянувшегося конфликта. Йемек был убит прямо на похоронах родителя, а его родовичи, занимавшие важные посты при брде-ставке покойного, подверглись репрессиям и бежали в долину Черного Иртыша, откуда начинали путь пер-

ший себе столь пышные титулы, что их хватило бы для нескольких менее тщеславных владетелей, потерпел ряд поражений от Тан и уйгуров. Ища спасения, он с горсткой всадников бежал под защиту судейского племени аштак (*кит.* ашидэ), из которого, возможно, и происходила его мать, но погиб в стычке с уйгурами. Каганский род каганата был истреблен, погибло и государство. Несколько последующих неудачных сражений ничего изменить уже не могли. Районирование всей Степи, предпринятое танской администрацией, не оставляло места для главных племен побежденного каганата. Значительная часть йемеков ушла на Иртыш к своим спасшимся предводителям. Здесь стала формироваться новая этнополитическая общность, уходившая корнями в историю каганата Се-яньто. Поэтому кимекское историко-генеалогическое предание начинается словами: "Начальник (михтар) татар умер и оставил двух сыновей; старший сын овладел царством, младший стал завидовать брату; имя младшего было Шад..."

1. Бичурин Н. Я. (Иакинф). Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. Т. 1–2. М.–Л., 1950–1953. С. 339–343; *Chavannes Ed. Documents sur les T'ou-kiue (Tures) Occidentaux*. St. Pb., 1903. P. 94–96; *Liu Mau-t'ai. Die chinesischen Nachrichten zur Geschichte der Ost-Türken (T'u-küe)*. Bd. 1–2. Wiesbaden, 1958. P. 354–358.
2. Haussig H. W. Theophylakt's Exkurs über die skythischen Völker / "Byzantion", 1953. P. 283, 287; *Феофилакт Симокатта*. История / Пер. С. П. Кондратьева. М., 1957. С. 166.
3. Бартольд В. В. Извлечения из сочинения Гардизи Зайин ал-Ахбар // Соч. Т. 8. М., 1973. С. 45.
4. Большой китайско-русский словарь по русской графической системе / Под ред. проф. И. М. Ошанина. Т. 1–4. М., 1983–1984; *Karlgren B. Grammata Serica Recensa*. Stockholm, 1957.
5. Minorsky V. Hudud al-Alam. "The regions of the world". A persian geography 372 A. H. – 982 A. D. London, 1937. P. 75.
6. Яо Сялян. Чэнь шу (История династии Чэнь, 557–589) / Серия "Бо-на". Пекин, 1958. Гл. 54; *Цзянь Боцзань* и др. Лидай гэнзу чжуаньцзи хуйбянь (Объединенное издание "Повествований" о различных народах по текстам династийных историй). Т. 2. Ч. 2. Пекин: "Чжунхуа", 1958. С. 1705.
7. Hamilton J. Toquz-Oghuz et On-Uyghur // *Journal Asiatique*. 1962. № 250. С. 25–26.
8. Вэй Шоу. Вэй шу (История государства Вэй, Тоба-Вэй) / Серия "Бо-на". Гл. 101. Пекин, 1958. С. 1307, л. 236; *Ли Яньшоу*. Бэй ши (История Северных династий) / Серия "Бо-на". Гл. 97. Пекин, 1958. С. 1289, л. 8а; *Вэй Чжэнь*. Суй шу (История династии Суй) // Серия "Бо-на". Гл. 83. Пекин, 1958. С. 826, л. 7а; *Bretschneider E. Mediaeval researches from the Eastern Asiatic Sources*. St. Pb., 1888. P. 189.
9. Haussig H. W. Op. cit. P. 284–285, 289; *Феофилакт Симокатта*. С. 161.
10. Вэй Чжэнь. Гл. 84. С. 840, л. 18а.
11. Таскин В. С. Материалы по истории кочевых племен в Китае III–V вв. Вып. 3. Мужуны. М., 1992. С. 82.
12. Ду Ю. Тун дэнь (Общее уложение) // Серия "Ши Тун". Гл. 199; *Цэнь Чжумянь*. Туцзюэ цзи ши (Сборник материалов по истории туцзюэ-тюрков). Пекин, 1958. С. 695, 697.
13. *Bazin L. Recherches sur les parlers T'o-ra (5-e siècle après J. C.)* // *T'o-ung Pao*. Vol. 39. livres 4–5. Leiden, 1950. P. 252–254, 290–291; *Яо Вэйюань*. Бэй чао ху син као (Исследование о варварских фамилиях эпохи Северных династий). Пекин, 1958. С. 32–38.
14. *Фан Сюаньлин*. Цзинь шу (История династии Цзинь) // Серия "Бо-на". Гл. 110. С. 752, л. 5а–б. Пекин, 1958.
15. *Фан Сюаньлин*. Гл. 97. С. 666, л. 116.
16. *Лю Сюй*. Цзю Тан шу (История династии Тан, 618–907). Старая редакция // Серия "Бо-на". Гл. 199. С. 1493, л. 1а. Пекин, 1958.
17. *Ли Яньшоу*. Бэй ши (История Северных династий) / Серия "Бо-на". Гл. 97. С. 129, л. 11а. Пекин, 1958; *Вэй Чжэнь*. Гл. 93. С. 826, л. 8а.
18. *Лубо-Лесниченко Е. И.* Великий Шелковый путь / Восточный Туркестан в древности и раннем средневековье (очерк истории). М., 1988. С. 384–386.
19. *Томас*. С. 271.

20. *Дестунис С.* Византийские историки. СПб, 1860. С. 493; *Chavannes Ed.* Documents sur les T'ou-k'ue (Turcs) Occidentaux. St. Pb., 1903. P. 233n.; *Проконий из Кесарии.* Война с готами. М., 1950. С. 41; *Лубо-Лесниченко Е. И.* Указ. соч. С. 384–387.
21. *Пигулевская Н. В.* Византийская дипломатия и торговля шелком / Византийский временник. Т. 1(26). С. 208; *Haussig H. W.* Op. cit. P. 342 и след.
22. *Stein A.* Serindia. Vols. 1–3. Oxford, 1921.
23. *Кляшторный С. Г.* История Центральной Азии и памятники рунического письма. СПб, 2003. С. 144–145.
24. *Haussig H. W.* Op. cit. P. 342.
25. *Ван Циньжо* и др. Цэфу юань гуй (Изначальная черепаха императорской библиотеки). Т. 1–12. 974. Пекин, 1960. С. 11444, л. 166; *Ли Яньшоу.* Гл. 97. С. 293, л. 156; *Бичурин Н. Я. (Иакинф).* Указ. соч. Т. 2. М.–Л., 1950–1953. С. 200.
26. Там же; *Се Цзунчжэн.* Туцзюе ши (История туцзюе-тюрков). Пекин, 1992. С. 373–374.
27. *Цэнь Чжунмянь.* Указ. соч. С. 679, 1010.
28. *Thomsen V.* Alttürkische Inschriften aus der Mongolei // ZDMG. Bd. 78. 1924–1925. S. 166.
29. *Аманжолов А. С.* История и теория древнетюркского письма. Алматы, 2003. С. 182.
30. *Вэй Чжэн.* Гл. 84. С. 840, л. 19а; *Ян Яньшоу.* Гл. 99. С. 1325, л. 20; *Се Цзунчжэн.* Указ. соч. С. 374.
31. *Цэнь Чжунмянь.* Указ. соч. С. 998.
32. *Лю Сюй.* Гл. 1946. С. 1145, л. 2а.
33. Там же. Гл. 1996. С. 1495, л. 4а.
34. *Рашид ад-Дин Фазлаллах.* Джәми' ат-таварих. Т. 1. Ч. 1. Критический текст А. А. Ромаскевича, А. А. Хетагурова, А. А. Али-Задэ. М., 1965. С. 159.
35. *Kotwicz W.* Contribution à l'histoire de l'Asie Centrale / Rocznik Orientalistyczny, XV (1939–1949). Krakow, 1949. С. 178.
36. *Тунманн.* Крымское ханство. Симферополь: Таврия, 1991. С. 49.
37. *Асадов Ф. М.* Арабские источники о тюрках в раннее средневековье. Баку, 1993. С. 44.
38. *Лю Сюй.* Гл. 195. С. 1455, л. 13а.
39. *Оуян Сю.* Синь Тан шу (История династии Тан. Новая редакция) / Серия “Бо-на”. Пекин, 1958. Гл. 2176. С. 1526, л. 2б.
40. *Малаякин А. Г.* Материалы по истории уйгуров в XI–XII вв. Новосибирск, 1974. С. 30.
41. *Pritsak O.* Old Turkic regnal names in the Chinese sources // Journal of Turkish studies. Vol. 5. 1985. С. 208.
42. *Оуян Сю.* Гл. 99. С. 934, л. 3б.
43. *Чэнь Дэчжи, Цю Маосэнь, Дин Говань, Ши Икуй.* Юань чао ши (История династии Юань). Т. 1. Пекин, 1986. С. 4–5.
44. *Оуян Сю.* Гл. 2176. С. 1527, л. 3б; *Лю Сюй.* Гл. 195. С. 1455, л. 14а.
45. *Ван Циньжо.* Гл. 975. С. 11454, л. 13а.
46. *Лю Сюй.* Гл. 1945. С. 1446, л. 55; *Chavannes Ed.* Указ. соч. С. 38.
47. *Bacot J.* Reconnaissance en Haut Asie Septentrionale par cinq envoyés ouïgours au VIII-e siècle // JA. Vol. 254. 2. 1956. P. 146.
48. *Дворецкий И. Х.* Древнегреческо-русский словарь. М., 1958. С. 229.
49. *Сьма Цянь.* Ши цзи (Исторические записки) / Серия “Бо-на”. Пекин, 1958. Гл. 27. С. 437–438, л. 406–41а.
50. *Вяткин Р. В.* Исторические записки. М., 1986. С. 149, 270.
51. *Потанин Г. Н.* Охотничьи поверья и обряды у алтайцев и тюрков // Культура и письменность Востока. Кн. 5. Баку, 1929. С. 190.
52. *Рашид ад-Дин Фазлаллах.* Указ. соч. С. 123.
53. *Махмуд Кашгарий.* Туркий сүзлар девони (Девону лиготит турк). Т. 1. Ташкент, 1960. С. 90.
54. *Абишев Х.* Элементы астрономии и погода в устном народном творчестве казахов. А.–А., 1949. С. 18–23; *Севортян Э. В.* Этимологический словарь тюркских языков. (Общетюркские и межтюркские основы на гласные). М., 1974. С. 430–431; *Никонов В. А.* География названий Млечного пути / Ономастика Востока. М., 1980. С. 296; *Алимбай Н., Муқанов М., Аргынбаев.* Куда ведет Кусжолы? / Тюркский мир, 1999. №1–2; *Clouston G.* Turkish and Mongolian horses; an etymological study / Central Asiatic journal. Vol. 10. №. 3–4, 1965. P. 363.
55. Казахский фольклор в собрании Г. Н. Потанина. Архивные материалы и публикации / Ответ. ред. Смирнова Н. С. А.–А., 1972. С. 59.
56. *Golden P. V.* Khazar studies. An historico-philological inquiry into the origins of the Khazars. Budanest. 1980. P. 169–171.

57. *Bang W., Gabain A.* Aus buddistische Schriften. Türkische Turfantexte V // Sitzungsberichte der Preussischen Akademie der Wissenschaften. Phil.-hist. Kl. Berlin, 1931. S. 27; *Щербак А. М.* Надпись на древнейтюркском языке из Монголии // ЭВ 14. М.–Л., 1961. С. 141–142.
58. *Махмуд Кашгарий.* Указ. соч. С. 391.
59. *Ван Пу.* Тан хуэй яо (Сводное обозрение династии Тан, 618–907). Шанхай, 1958. Гл. 100. С. 1739; *Ван Циньжо* и др. Указ. соч. Гл. 970. С. 11400, л. 126; *Юэ Ши.* Тай-пин хуаньюй цзи (Описание Вселенной в годы правления Тай-пин син-го, 976–983; Энциклопедия. Гл. 198; *Цэнь Чжунмянь.* Указ. соч. С. 699; *Шефер Э.* Золотые персики Самарканда. Книга о чужеземных диковинах в империи Тан / Пер. с англ. Л. Н. Менширова. М., 1981. С. 127; *Hirth F.* Nachworte zur Inschrift des Tonjukuk. Beiträge zur Geschichte der Ost-Türken im 7. und 8. Jahrhundert nach chinesischen Quellen // Altürkischen Inschriften der Monqolei. Z. F. St. Pb., 1899. S. 140.
60. *Ван Циньжо.* Указ. соч. Гл. 974. С. 11444, л. 186; с. 11446, л. 196; *Цэнь Чжунмянь.* Указ. соч. С. 392, 408; *Hirth F.* Nachworte zur Inschrift des Tojukuk // ATIM, 2. Folge. St.; Pb. 1899. P. 140.
61. *Юэ Ши.* Указ. соч. Гл. 198; *Кюннер Н. В.* Китайские известия о народах Южной Сибири, Центральной Азии и Дальнего Востока. М., 1961. С. 50.
62. *Вэй Чжэн.* Гл. 84. С. 841, л. 20.
63. *Лю Сюй.* Гл. 1996. С. 1497, л. 9б; *Оуян Сю.* Гл. 219. С. 1539, л. 6в.
64. *Мори Масао.* Кодай торуко миндзоку си Кэнкю (Исследования о древних тюрках). Т. 1–2. Токио, 1992. Т. 1. С. 819.
65. *Махпиров В. У.* Имена далеких предков. Алматы, 1997. С. 77.
66. Кан-си цзыдянь (Иероглифический словарь китайского языка, составленный в годы периода Кан-си). Пекин, 1958. С. 964.
67. *Вэй Чжэн.* Гл. 51. С. 587, л. 3б; *Мори М.* Указ. соч. С. 819.
68. *Се Цзунчжэн.* Указ. соч. С. 388–389.
69. *Ван Пу.* Гл. 72. С. 1306.
70. *Зуев Ю. А.* Ранние тюрки: очерки истории и идеологии. Алматы: Дайк-Пресс, 2002. С. 85–87.
71. *Лившиц В. А.* Юридические документы и письма // Согдийские документы с горы Муг. Вып. 2. М., 1962. С. 101.
72. *Лю Сюй.* Гл. 194а. С. 1436, л. 2а.
73. *Малаякин А. Г.* Историческая география Центральной Азии. Новосибирск, 1981. С. 103.
74. *Оуян Сю.* Гл. 106. С. 370, л. 4б; Гл. 217а. С. 1521, л. 2а.
75. Там же. Гл. 436. С. 228, л. 2а.
76. *Ван Пу.* Гл. 72. С. 1307.
77. *Лю Сюй.* Гл. 1996. С. 1495, л. 4б.
78. *Оуян Сю.* Гл. 436. С. 298, л. 2а.
79. Там же. Гл. 195. С. 1449, л. 16–2а.
80. *Ван Пу.* Гл. 72. С. 130; КТ 48.
81. *Оуян Сю.* Гл. 436. С. 305, л. 16а–б; *Лубо-Лесниченко Е. И.* Указ. соч. С. 115.
82. *Le Coq A.* Türkische Manichaica aus Chotscho I / Sprachwissenschaftliche Ergebnisse der Deutschen Turfan-Forschung. Bd. 1. Leipzig, 1972. S. 419; *Зуев Ю. А.* Указ. соч. С. 203–205.
83. *Махмуд Кашгарий.* Указ. соч. С. 384, 418.
84. *Севортян Э. В.* Этимологический словарь тюркских языков (Общетюркские и межтюркские основы на гласные). М., 1974. С. 130–132, 136–137.
85. *Иероним Евсевий.* Письма // Вестник древней истории. № 4. 1949. С. 229.
86. *Оуян Сю.* Гл. 219. С. 1539, л. 5а.
87. Там же. Гл. 215б. С. 1502, л. 10б; *Liu Mau-tsai.* Die chinesischen Nachrichten zur Geschichte der Ost-Türken (T'u-k'ue). Wiesbaden, 1958. P. 24.
88. *Цэнь Чжунмянь.* Указ. соч. С. 299.
89. *Ван Циньжо.* Гл. 974. С. 11444, л. 166; *Цэнь Чжунмянь.* Указ. соч. С. 392.
90. *Малаякин А. Г.* Историческая география Центральной Азии. Новосибирск, 1981. С. 95.
91. *Рашид ад-Дин Фазлаллах.* Указ. соч. С. 144.
92. *Пигулевская Н. В.* Сирийские источники по истории народов СССР. М.–Л., 1941. С. 165. О людях-псах см.: *Зуев Ю. А.* Самое сильное племя / Историко-культурные взаимосвязи Ирана и Дашт-и Кипчака в XIII–XVIII вв. Алматы, 2004. С. 35–43.
93. *Bacot J.* Reconnaissance en Haut Asie Septentrionale par cinq envoyés ouïgours au VIII-e siècle // JA. Vol. 254. 2. 1956. С. 146; *Moriyasu T.* La nouvelle interprétation des mots Hoet Ho-yo-hor dans le manuscrit Pelliot 1283 // Acta Orientalia Hungaricae. T. 34 (1980). Fasc. 1–3. С. 178.
94. *Кононов А. Н.* Родословная туркмен. Сочинение Абу-л-Гази, хана хивинского. М.–Л., 1958. С. 76.

95. *Бань Гу*. Хань шу (История династии Хань, 206 г. до н.э. — 24 г. н.э.) / Серия "Бо-на". Пекин, 1958. Гл. 94б. С. 1141, л. 26а.
96. *Фань Е Хоу* Хань шу. (История династии Поздняя Хань, 25–220) / Серия "Бо-на". Пекин, 1958. Гл. 89. С. 1330, л. 146.
97. *Кононов А. Н.* Указ. соч. С. 99–100.
98. *Hambis L.* Kāstim et Ges-Dum // *Jornal Asiatique*. Т. 246. 1958. С. 313–320.
99. *Ван Циньжо*. Гл. 961. С. 11312, л. 236.
100. *Ду Ю*. Гл. 200. Л. 10а–11б; *Цэнь Чжунмянь*. Указ. соч. С. 761–765; *Senga T.* A T'ung-tien hiradási a közér-Eurasiai népekröl / A honfolal áskor Yrott Forrásai. Balassi klado. Budapest, 1996. С. 37–39; *Senga T.* Megjegyzések kimekek törzssövetségének kialakulásáhar / Antik tanulmányok (Studia Antiqua). XLI. Kötet 1–2 szrám. Akadémiai kiado. Budapest, 1997. С. 175–192.
101. *Ван Циньжо*. Гл. 961. С. 11312, л. 23а.
102. *Оуян Сю*. Гл. 2156. С. 1527, л. 46, стк. 2; *Liu Mau-tsai*. Op. cit. P. 355.
103. Иначе: *Цэнь Чжунмянь*. Указ. соч. С. 766–770; *Liu Mau-tsai*. Указ. соч. P. 722.
104. *Оуян Сю*. Гл. 436. С. 305, л. 16а.
105. *Лю Сюй*. Гл. 1996. С. 1497, л. 96.
106. *Чэнь Дэцжи, Цю Маосэнь, Дин Говань, Ши Икуй*. Юань чао ши (История династии Юань). Т. 1. Пекин, 1986. С. 4–5.
107. *Цэнь Чжунмянь*. Указ. соч. С. 712; *Liu Mau-tsai*. Указ. соч. P. 592; ср.: *Ван Пу*. Гл. 98. С. 1744.
108. *Minorsky V.* Hudud al-Alam. "The regions of the world". A persian geography 372 A. H. — 982 A. D. London, 1937. P. 94.
109. *Махмуд Кошгарий*. Указ. соч. С. 389; *Кляшторный С. Г., Султанов Т. И.* Государства и народы евразийских степей. Древность и средневековье. 2-е изд. СПб., 2004. С. 140–144.
110. *Hui-li*. The life of Hsuan-tsang, the Tripitaka-master of the Great Tzu En Monastery. Transl. by Li Yung-hsi. Peking, 1959. P. 36, 37; *Hamilton J. R.* Autour du manuscrit Stael-Holstein // *Tuong Pao*. Vol. 46 (1958). Livre 1–2. С. 140–141; *Мэн-гу-ю-му-ци*. Записки о монгольских кочевьях // Записки ИРГО по отделению этнографии. Т. 24. СПб., 1895.
111. *Зуев Ю. А.* Указ. соч. С. 107–108.
112. *Миллер Г. Ф.* История Сибири. Т. 1. М.–Л., 1937. С. 514–516.
113. *Ratchevsky P.* Les Che-wei etaient — ils des Mongols? / *Melanges Sinologiques*. Paris, 1966.
114. *Minorsky V.* Op. cit. С. 84, 228; *Minorsky V.* Sharaf az-Zaman Tahir Marvazi on China the Turks and India. London, 1942. С. 26, 85.
115. *Тото*. Ляо ши. (История династии Ляо, 907–1125) // Серия "Бо-на". Пекин, 1958. Гл. 2. С. 23, л. 5а; Гл. 36. С. 164, л. 10б; Гл. 46. С. 257, л. 31б; Гл. 69. С. 365, л. 3б; С. 375, л. 26б.
116. Там же. Гл. 30. С. 136, л. 5а.
117. *Ratchnevsky P.* Указ. соч. С. 228; *Hambis L.* L'histoire des Mongols avant Gengis-khan // *Central Asiatic journal*. Vol. 14 (1970). С. 126; *Serruys H.* Monghol: Mogol and Manghus: Magus / *Acta Orientalia Hungaricae*. Т. 36, fasc. 1–3. 1982. С. 475; *Чэнь Дэцжи, Цю Маосань, Дин Говань, Ши Икуй*. Юаньчао ши (История династии Юань). Т. 1. Пекин, 1986. С. 6–7.
118. *Мэн-гу-ю-му-ци*. Указ. соч. С. 324–325.
119. *Оуян Сю*. Указ. соч. Гл. 219. С. 1540, л. 7а.
120. *Агаджанов С. Г.* Очерки истории огузов и туркмен Средней Азии IX–XIII вв. Ашхабад, 1969. С. 23.
121. *Бирюни Абу Рейхан*. Памятники минувших поколений // Избранные произведения. Т. 1. Ташкент, 1957. С. 270.
122. *Стратанович Г. Г.* Народные верования Индокитая. М., 1978. С. 149; *Евсюков В. В., Комиссаров С. А.* Бронзовая модель колесницы эпохи Чуньцю в свете сравнительного анализа / Новое в археологии Китая. Новосибирск, 1984. С. 58–59; *Львова Э. Л., Октябрьская И. В., Сагалаев А. М., Усманова М. С.* Традиционное мировоззрение тюрков Южной Сибири (Человек-Общество). Новосибирск, 1989. С. 111–112.
123. *Рашид ад-Дин Фазлаллах*. Огуз-наме / Пер. с перс., предисл., комм., прим. и указатели Р. М. Шукюровой. Баку, 1987. С. 69.
124. *Дюмезиль Ж.* Осетинский эпос и мифология. М., 1976. С. 80; *Абаев В. И.* Скифский быт и реформа Зороастра / Избранные труды. Религия. Фольклор. Литература. Владикавказ, 1990. С. 25.
125. *Рубинштейн Я. Ч. Сет* // Мифы народов мира. Т. 2. М., 1992. С. 442.
126. *Гамкрелидзе Т. В., Иванов В. В.* Индоевропейский язык и индоевропейцы. Реконструкция, историко-типологический анализ праязыка и протокультуры. Т. 2. Тбилиси, 1984. С. 564.

127. *Топоров В. Н.* Осел // Мифы народов мира. Т. 2. М., 1992. С. 264–265; *Ботвиник М. Я.* Мидас // Мифы народов мира. Т. 2. М., 1990. С. 149–150; *Гамкрелидзе Т. В., Иванов В. В.* Указ. соч. С. 562–564.
128. *Потанин Г. Н.* Очерки Северо-Западной Монголии. Вып. 4. СПб., 1883. С. 254–255, 293–298, 818, 851.
129. *Валиханов Ч. Ч.* Собр. соч. В 5 т. Т. 2. А.-А., 1985. С. 269–271.
130. *Абу Рейхан Бирюни*. Индия // Избранные произведения. Т. 2. Ташкент, 1963. С. 278.
131. *Mackerras C.* The Uigur empire (744–840). Canberra, 1968. P. 16; *Малыкин А. Г.* Историческая география Центральной Азии. Новосибирск, 1981. С. 271.
132. *Оуян Сю*. Указ. соч. Гл. 436. С. 304, л. 156.
133. *Мэн-да бэй-му*. Полное описание монголо-татар / Факсимиле ксилографа, пер. с кит., введен., комм. и прил. Н. Ц. Мункуева. М., 1975. С. 90–91; *Pelliot P.* A propos des Comans // *Jornal Asiatique*. 15. 1920.
134. *Фирдоуси*. Шахнаме. Т. I. От сказания о битве Роситема с каганом Чина до царствования Лохраспа / Пер. Ц. Б. Бану-Лахути. М., 1965. С. 417, 449.
135. *Штернберг Л. Я.* Первобытная религия в свете этнографии. Л., 1936. С. 83, 86.
136. *Нарты* / Эпос осетинского народа. М., 1957. С. 84.
137. *Смоляк А. В.* Шаман: личность, функции, мировоззрение (Народы Нижнего Амура). М., 1991. С. 78–79.
138. Сказание о Шарьяре. Каракалпакская народная поэма. Нукус, 1971. С. 135.
139. Ригведа. X. 10.
140. *Эрман В. Г., Темкин Э. Н.* Мифы древней Индии. М., 1975. С. 76, 227.
141. *Иванов, Топоров*. 1974.
142. *Неклюдов С. Ю.* Мангус // Мифы народов мира. Т. 2. М., 1992. С. 99–100; *Гринер П. А.* Яма // Мифы народов мира. Т. 2. М., 1992. С. 366–367; *Serruys H.* Monghol: Moral and Mangrus; *Magus* // *Acta Orientalia Hungaricae*. Т. 36. F. 1–3. 1982. P. 480–482.
143. *Зуев Ю. А.* Указ. соч. С. 225–228.
144. *Потанин Г. Н.* Указ. соч. С. 63.
145. *Чеснов Я. В.* Дракон — метафора внешнего мира / Мифы, культуры, обряды народов зарубежной Азии. М., 1986. С. 59–72. См. также: *Ахинжанов С. М.* Кипчаки в истории средневекового Казахстана. А.-А., 1989. С. 98.
146. *Рашид ад-Дин*. Указ. соч. С. 69.
147. *Ли Яньшоу*. Указ. соч. Гл. 97. С. 1294, л. 176.
148. *Marquart J.* Skizzen zur geschichtlichen Völkerkunde von Mittelasien und Sibirien / *Ostiasische Zeitschrift*, 1919/1920. 8. P. 293.
149. *Ван Циньжо*. Гл. 970; *Ду Ю*. Гл. 199.
150. *Лю Сюй*. Гл. 109. С. 902–903, л. 16–3а; *Оуян Сю*. Гл. 110. С. 990, л. 26–3а; *Liu*. Указ. соч. С. 263–265.
151. *Ду Ю*. Гл. 198.
152. *Линху Дэфэнь*. Гл. 50. С. 424, л. 2а; *Бичурин Н. Я.* Указ. соч. Т. 1. С. 221.
153. *Грум-Гржимайло Г. Е.* Западная Монголия и Урянхайский край. Т. 2. Л., 1926. С. 283–284; *Потапов Л. П.* Этнический состав и происхождение алтайцев. Л., 1969. С. 165.
154. *Оуян Сю*. Гл. 215а. С. 1501–1502, л. 86–9а.
155. *Golden P. B.* Turkic Calques in Mediaeval Eastern Slavic / *Journal of Turkish Studies*, 8. Cambridge, MA. P. 107.
156. *Лю Сюй*. Гл. 195. С. 1452, л. 7а.
157. *Оуян Сю*. Гл. 221. С. 1558, л. 76.
158. *Лю Сюй*. Гл. 93. С. 814, л. 9а; *Ван Циньжо*. Указ. соч. Гл. 366. С. 4358, л. 166.
159. *Ван Циньжо*. Гл. 656. С. 7858, л. 176.
160. Иначе: *Кляшторный С. Г.* История Центральной Азии и памятники рунического письма. СПб., 2003. Т. 1. С. 301–312.
161. *Оуян Сю*. Гл. 2156. С. 1506, л. 4а; *Бичурин Н. Я.* Указ. соч. Т. 1. С. 285.
162. *Chavannes Ed.* Documents sur les T'ou-kiue (Turcs) Occidentaux. St. Pb., 1903. P. 23, 33, 47, 59, 72, 219–200.
163. *Ligeti L.* Mots de civilisation de Haut Asie en transcription chinoise / *Acta Orientalia Hungaricae*. Т. 1. 1950. Fasc. 1, p. 149; *Pulleyblank E.* Consonantal system of Old Chinese // *Asia Major*. 1962. Pt. 1. P. 70; *Гумилев Л. Н.* Древние тюрки. М., 1967. С. 34.
164. *Лю Сюй*. Указ. соч. Гл. 1946. С. 1446, л. 5б; *Сыма Гуан*. Указ. соч. Гл. 200. С. 6301.
165. *Poucha P.* Theasures linguae Tocharicae dialecti A. Ynscriptiones linguae Tocharicae. Pt. 2. Praha, 1955. P. 12.
166. *Дмитриева Л. Н.* Хуастунифт. Введение, текст, перевод / Тюркологические исследования. М.–Л., 1963. С. 225, 231.

167. Ван Циньжо. Гл. 970. С. 11398, л. 86.
 168. Ван Пу. Гл. 42. С. 1306.
 169. Войтов В. Е. Каменные изваяния из Унгету / Центральная Азия. Новые памятники письменности и искусства. М., 1987.; *Hayashi Toshio*. Stone Statues in Mongolia // Bulletin of the National Museum of Ethnology. Vol. 21. № 1. 1996. С. 276–279; *Ремпель Л. И.* Некрополь древнего Тараза 88 // Краткие сообщения института истории материальной культуры. Вып. 69. 1957.; *Сенигова Т. Н.* Вопросы идеологии и культов Семиречья / Новое в археологии Казахстана. А.-А., 1968. *Klyashtornyi S.* Manichaeen Monasteries in the Land of Arghu / Studia Manichaica. Berlin–Brandenburgische Akademie der Wissenschaften. Berichte und Abhandlungen. Sonoterban 4. Berlin. Akademie–Verlag, 2000.
 170. Сыма Гуан. Л. 195. С. 61–6147; Лю Сюй. Гл. 198. С. 1479, л. 46; Оуян Сю. Гл. 221а. С. 1550, л. 46; *Chavannes Ed.* Op. cit. С. 105.
 171. *Liu Mau-tsai*. Die chineschen Nachrichten zur Geschichte der Ost-Türken (T'u-küe). Wiesbaeten, 1958. S. 527, 540.
 172. Лю Сюй. Гл. 194а. С. 1439, л. 8а; Оуян Сю. Гл. 215а. С. 1501–1502, л. 86–9а; *Liu*. P. 152–153, 204.
 173. Бичурин Н. Я. Указ. соч. С. 262.
 174. Лю Сюй. Гл. 3. С. 36, л. 76; Оуян Сю. Гл. 2. С. 28, л. 96; Гл. 2176. С. 1528, л. 5а; Сыма Гуан. Гл. 196. С. 6170–6172; *Liu*. Op. cit. P. 242–243, 355–356.
 175. Се Цзунчжэнь. Туцзюе ши (История туцзюе-тюрок). Пекин, 1992. С. 399.
 176. Лю Сюй. Гл. 1996. С. 1494, л. 36.
 177. Там же. Л. 7а.
 178. *Szeglédy K.* Gárdizi on the history of Central Asia (745–780) // Acta Orientalia Hungaricae. T. 228. 1973. Fasc. 3. P. 260–261, 267; *Виденгрен Г.* Мани и манихейство. СПб., 2001. С. 139, 188–189, 191.
 179. Сыма Гуан. Цзычжи тунцзянь (Всеобщее обозрение, управлению помогающее). Шанхай, 1957. Гл. 194. С. 6118.
 180. *Ögel B.* Über die alttürkische Schad (Sü-Baschi)-Würde // Central Asiatic Journal. Vol. VIII. № 1. 1963.
 181. Оуян Сю. Гл. 436. С. 297, л. 1а.
 182. *Eczedu Y.* Old Turcic Titles of Chinese Origin // Acta Orientalia Hungaricae. T. 18. 1965; *Малыкин А. Г.* Указ. соч. С. 341–342.
 183. Рашид ад-Дин. Указ. соч. С. 164.
 184. *Eczedu Y.* Op. cit. P. 84–86; *Цзнь Чжунмянь.* Указ. соч. С. 250.
 185. Зув Ю. А. Указ. соч. С. 20–32.
 186. *Hirth F.* Op. cit. S. 48–50.
 187. БК, 28.
 188. *Martinez A. P.* Gardizi's two chapters on the Turks // Archivum Eurasia Medii Aevi. Vol. 2 (1982). P. 123.
 189. Ван Циньжо. Гл. 986. С. 11577, л. 5а–6; *Chavannes Ed.* Notes additionelles sur les Tou-kiue (Turcs) Occidentaux / T'oung Pao. Vol. 5. 1904. P. 20.
 190. *Bang W., Gebain A.* Analytischer Index zu den fünf ersten Stücken der Türkische Turfan-Texte / Sitzungsberichte der Preussigchen Akademie der Wissenschaften. Phil.-hist. Kl. 17–22. Berlin, 1931. P. 54.
 191. *Harva U.* Die religiösen Vorstellungen der altaischen Völker. Parvoo: Helsinki, 1938. С. 135.
 192. *Бартольд В. В.* Указ. соч. С. 26–27, 43–44; *Martinez A. P.* Gardizi's two chapters on the Turks // Archivum Eurasia Medii Aevi. Vol. 2. 1982. С. 120–121.
 193. *Паллас П. С.* Путешествие по разным провинциям Российского государства. Ч. 3. Половина первая. СПб., 1788. С. 452–453.
 194. *Потанов Л. П.* Этнический состав и происхождение алтайцев. Л., 1969. С. 174.
 195. *Hirth F.* Nachworte zur Inschrift des Tonjukuk / Altürkischen Inschriften der Mongolei Zweite Folge. St. PB. 1899; *Кляиторный С. Г.* Кипчаки в рунических текстах / Turcologica 1986. К 80-летию академика А. Н. Кононова. Л., 1986; он же. История Центральной Азии и памятники рунического письма. СПб., 2003.
 196. *Ахинжанов С. М.* Указ. соч. С. 98 и след.
 197. *Barley H. W.* Languages of the Saka / Handbuch der Orientalistik, IV. I. Leipzig-Köln, 1958. S. 136.